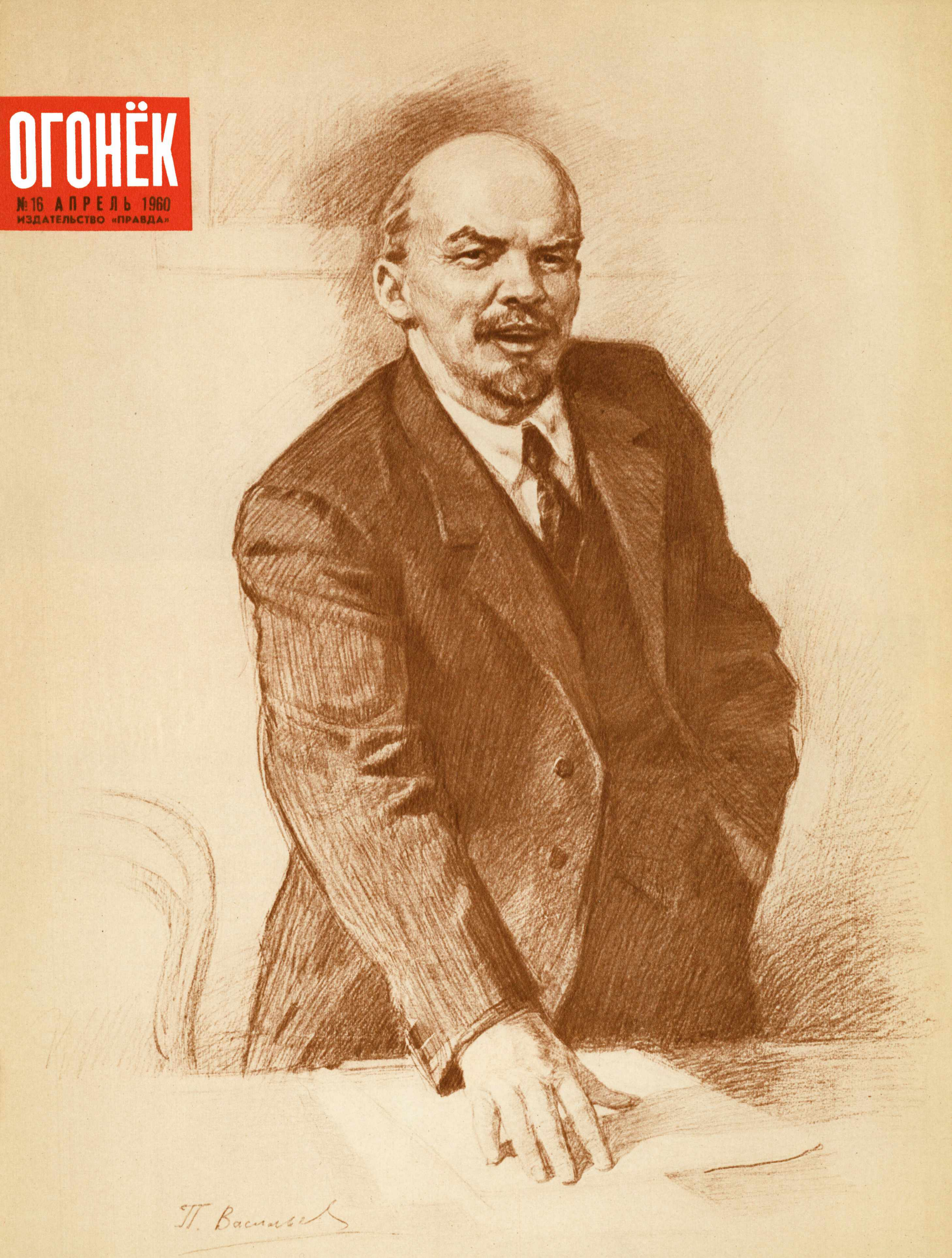

ОГОНЁК
№16 АПРЕЛЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
П. Васильев

Крепкая дружба — одна из главных заповедей бригады коммунистического труда. День рождения Шуры Раздоводиной отметила вся бригада; мастер Степан Петрович Лынченко от имени друзей вручил ей часы.

Здесь работает бригада коммунистического труда

Мастер Бойченко А.
Профорг Лозовский Л.
Комсорг Новикова М.

Заповеди ударников и бригад коммунистического труда

ШАГАЮ

Дорогой читатель! На вкладке среди репродукций картин ты увидишь произведение художника, запечатлевшего Владимира Ильича на субботнике. На этих первых страницах журнала мы знакомим тебя с теми, кто спустя десятилетия, продолжая великий ленинский почин, пошел дальше, вперед, в разведку будущего. Их дела и помыслы устремлены к коммунизму, они мерят свою работу, свои поступки самой высокой мерой — мерой требований семилетки. Они верны священной клятве—трудиться по-ленински, жить по-ленински!

О таких людях, о людях бригады коммунистического труда с завода «Ростсельмаш», наш фоторассказ.

(Продолжение см. на стр. 32.)

На первой странице обложки: В. И. ЛЕНИН. Рисунок П. Васильева. На последней странице обложки: В. И. ЛЕНИН С ДЕТЬМИ. Рисунок Н. Жукова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ОГОНЁК
№ 16 (1713)
17 АПРЕЛЯ 1960
38-й год издания
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

У Вали Ляшенко в работе произошла заминка. И тогда Лида Селина ненадолго оставила свой станок, чтобы помочь соседке. А вечером у классной доски девушки поменялись ролями.

ЩИЕ В ЗАВТРА

Много друзей у Ани Пуковской. Но сейчас она наедине со своим самым лучшим другом — книгой. Друг этот учит ее жить, работать по-ленински, друг этот — неисчерпаемый родник знаний. А знать надо очень много: сегодня сверловщица Аня — студентка, завтра она будет историком.

А. Дейнека. МИРНЫЕ ЛОЗУНГИ ОКТЯБРЯ. **Фрагмент.**

ПОД ЗНАМЕНЕМ

Профессор Ф. Н. ПЕТРОВ, член КПСС с 1896 года

Девяносто лет!

Девяносто лет назад родился основатель Коммунистической партии, гениальный стратег социалистической революции, великий строитель и руководитель Советского государства, вождь и учитель трудящихся всех стран Владимир Ильич Ленин.

Бессмертно имя Ленина, дела и мысли которого неразрывно связаны с коренным поворотом в судьбах всего человечества, с началом новой эпохи всемирной истории — эпохи социализма и коммунизма.

Бессмертно имя Ленина, вся жизнь которого — вдохновляющий пример беззаветной борьбы за счастье трудового народа.

В истории еще не было человека, который столь прозорливо смотрел далеко вперед, чье учение, чьи заветы, идеи с такой неодолимой силой овладевали умами и сердцами сотен миллионов людей на всех континентах.

Мне выпало огромное счастье быть современником Ленина, встречаться, беседовать с Ильичем, выполнять его поручения. Из многих встреч и бесед с Ильичем хочется в эти знаменательные дни вспомнить об одной, самой первой и для меня особенно многозначащей. Это было в 1900 году, когда я приехал в Москву по поручению киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». На явочной квартире в районе Арбата меня встретил студент-медик, молодой подпольщик, которого я знал прежде, Дмитрий Ильич Ульянов. Он пригласил меня к себе домой, обещав познакомить со старшим братом — Владимиром Ильичем, недавно вернувшимся из Шушенского и находившимся в Москве на нелегальном положении. И вот в квартире Ульяновых я впервые увидел, познакомился, беседовал с Владимиром Ильичем. Мы сидели в небольшой, уютной комнате. И молодой, невысокого роста, крепко сложенный человек с увлечением говорил нам, как важно сейчас объединить отдельные, разрозненные марксистские кружки в единую партию. И впервые я услышал тогда слова, позже прочитанные в книге «Что делать?», впервые тогда я услышал настойчивый ленинский призыв: «надо мечтать!»,— ленинские слова о мечте, обгоняющей естественный ход событий, но никогда не отрывающейся от жизни.

Надо мечтать! Да, уже тогда, в начале века, в дни моей юности, я, как и многие тысячи моих сверстников, мечтал о том, какой будет жизнь после того, как рабочий класс возьмет власть в свои руки. Это была мечта не маниловцев, а людей активных революционных действий, суровых классовых битв. Ленин зажигал в наших сердцах глубокую веру в реальность светлой мечты о коммунистическом обществе, в ее осуществимость, ибо это мечта трудового народа, за которым будущее.

В своей последней статье, «Лучше меньше, да лучше», Ильич вдохновенно говорил об огромных задачах социалистического строительства в нашей стране, о необходимости, выражаясь фигурально, пересесть с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации... «Вот о каких высоких задачах мечтаю я...» — писал тогда Ленин.

Мечта Ильича стала явью. Она стала явью потому, что, как заявил на XXI съезде партии Н. С. Хрущев, «партия делает то, что рекомендовал великий Ленин».

У меня, человека старого, начинавшего свою революционную деятельность еще в конце прошлого века, поистине дух захватывает, когда, оглядываясь кругом, вижу, как воплощаются в жизнь ленинские идеи. В стране нашей впервые в мире окончательно победил социализм и широким фронтом развертывается строительство коммунизма. Его светлые ростки видны всюду, куда ни кинешь взгляд. Они — в делах бригад коммунистического труда и в дерзаниях ученых, покоряющих космос. Они зримы на заводах, где автоматизируются целые цехи, в селах, так меняющих свой облик, что их порой не отличишь от города, в школах, где ребята смолоду приучаются к труду у станка или на животноводческой ферме.

Намеченная XXI съездом КПСС величественная программа коммунистического строительства успешно осуществляется нашим народом под руководством партии.

Я пишу эти строки под свежим впечатлением визита Н. С. Хрущева во Францию. Не могу не повторить слова, с которыми Никита Сергеевич обратился к французам в последние часы своего пребывания в их стране: «Советский народ построил социалистическое общество и живет так, как он хочет жить. Свой образ жизни мы никому не навязываем, но и не хотим, чтобы кто-нибудь вмешивался в наши дела. Как каждый человек, каждый народ, который вложил много труда и сил, таланта и настойчивости в свои дела, советские люди гордятся всем тем, что они создали на своей земле». Да, мы гордимся всем тем, что создал наш народ. Мы гордимся тем, что прокладываем дорогу к коммунизму. И никто не в силах помешать нам, никто не в силах приостановить победный марш ленинизма.

Выполнив семилетку, СССР по производству промышленной продукции на душу населения выйдет на первое место в Европе и вплотную приблизится к нынешнему уровню производства в США. Потребуется еще около пяти или даже меньше лет, чтобы догнать и превзойти США не только по абсолютному объему производства, но и по производству продукции на душу населения. Уже в этом семилетии наше сельское хозяйство достигнет такого уровня развития, что догонит США по производству молока и мяса на душу населения, не говоря уже о производстве пшеницы или масла,— по этим продуктам СССР превзошел США.

В стране, где до революции почти 80 процентов населения было неграмотным, сейчас вузы ежегодно выпускают 106 тысяч инженеров — втрое больше, чем США. Не могу в этой связи не вспомнить, как однажды на заседании Совнаркома, где председательствовал Ленин, мне пришлось выступать с докладом о состоянии науки. Внимательно выслушав меня, Владимир Ильич сказал:

— Нужно во что бы то ни стало увеличить средства для развития науки, особенно на исследовательские работы, связанные с промышленным строительством.

Мы пожинаем прекрасные плоды ленинской заботы партии о советской науке, о ее развитии, о подготовке кадров ученых, специалистов для всех отраслей народного хозяйства.

Но из всех наук выше всех в нашей стране стоит наука, имя которой марксизм-ленинизм. Эта наука без всяких виз распространяется по всему миру. Идеи Ленина, идеи социализма овладевают умами трудящихся всех стран и континентов.

«...Дорога наша — верная,— говорил Ленин,— ибо это — дорога, к которой рано или поздно неминуемо придут и остальные страны». Ныне под боевым знаменем марксизма-ленинизма уже шагают сотни миллионов людей. Слово Ленина, учение Ленина, заветы Ленина поднимают народы могучего социалистического лагеря на строительство новой, светлой жизни, без капиталистов и помещиков. Ленинизм торжествует и в СССР, и в братских социалистических странах, и в мировом коммунистическом и рабочем движении. И, как образно выразился Никита Сергеевич Хрущев, триумф коммунистических идей — высокий дар Ленину от признательного человечества.

Успехи нашего государства множатся с каждым годом, с каждым месяцем, с каждым днем. Нас ведет вперед, к коммунизму, по пути, указанному Лениным, созданная и выпестованная им партия, ее ленинский Центральный Комитет. И на этом пути Ленин, вечно живой,— с нами, в сердце народа!

«...Мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем электрической».
В. И. ЛЕНИН

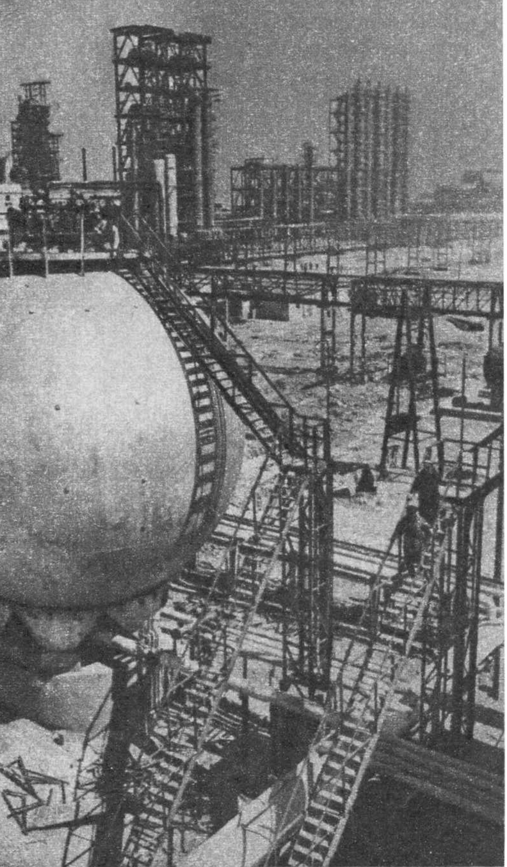
«...нельзя себе представить идеала будущего общества без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения...»
В. И. ЛЕНИН.

«Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие».
В. И. ЛЕНИН.

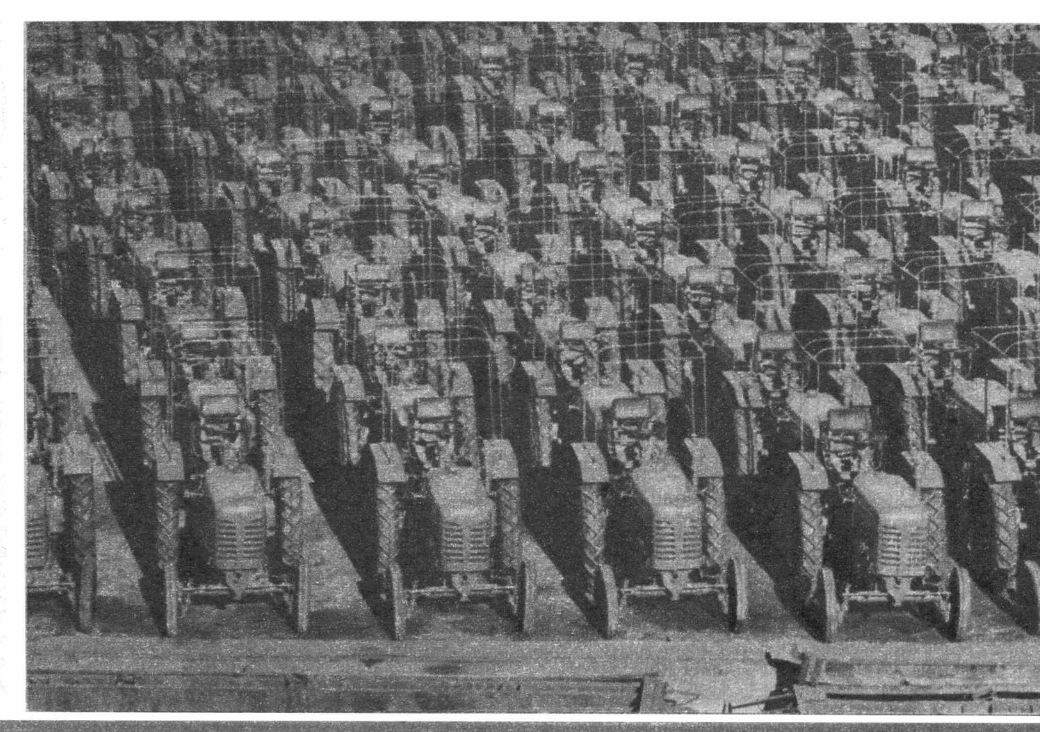
Вся страна от края до края покрыта ныне сетью больших и малых электрических станций. И с каждым годом в энергетические ресурсы государства вливаются новые мощности.

На снимке: Волжская ГЭС имени В. И. Ленина.

«Представим себе, что мы имеем на всю страну, на 10 000 с лишним волостей, 50 000 библиотек и читален, но не на бумаге, а на деле. Не меньше трех на каждую волость и обязательно по одной на каждый завод или фабрику, на каждую воинскую часть».
В. И. ЛЕНИН.

«Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммунию» (т. е. за коммунизм)».
В. И. ЛЕНИН

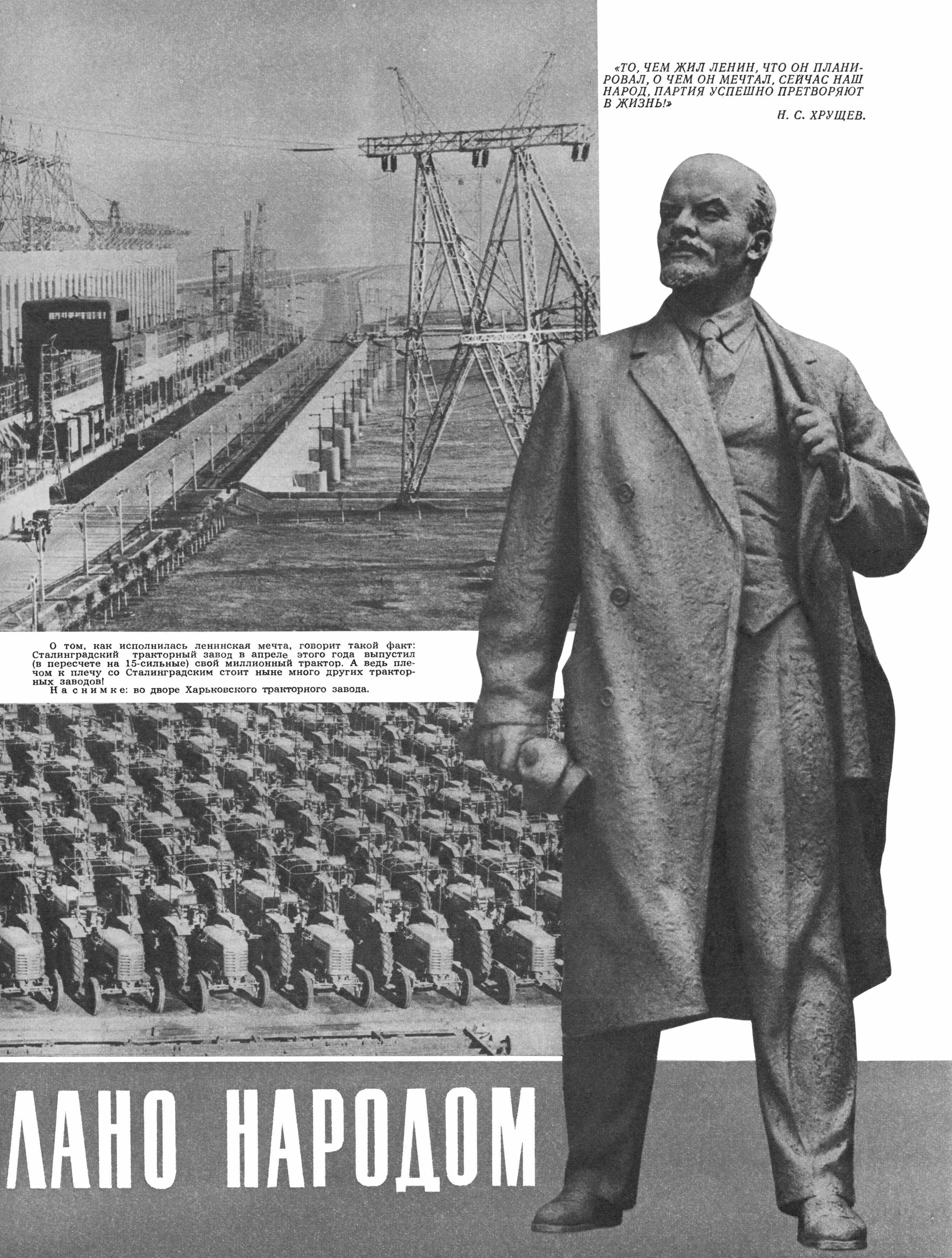
На этих снимках запечатлены лишь некоторые стороны жизни нашей страны, идущей по ленинскому пути.

Слева — сверху вниз: ученики 6-й Гродненской средней школы Иван Некало и Надя Заруева совмещают занятия с работой на заводе «Автозапчасть»; Сумгаитский химический комбинат; около 400 тысяч библиотек насчитывается в стране, и вот одна из них — в колхозе «Амур», Амурской области. Библиотекарь Л. Г. Печорская выдает книги колхознику К. Н. Беляеву и школьницам Ларисе Чекмаревой и Люде Крановой.

ЗАВЕЩАНО ИЛЬИЧЕМ, СДЕ

«ТО, ЧЕМ ЖИЛ ЛЕНИН, ЧТО ОН ПЛАНИРОВАЛ, О ЧЕМ ОН МЕЧТАЛ, СЕЙЧАС НАШ НАРОД, ПАРТИЯ УСПЕШНО ПРЕТВОРЯЮТ В ЖИЗНЬ!»

Н. С. ХРУЩЕВ.

О том, как исполнилась ленинская мечта, говорит такой факт: Сталинградский тракторный завод в апреле этого года выпустил (в пересчете на 15-сильные) свой миллионный трактор. А ведь плечом к плечу со Сталинградским стоит ныне много других тракторных заводов!

На снимке: во дворе Харьковского тракторного завода.

ЛАНО НАРОДОМ

ОТКРЫТО УМОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ

Академик А. А. СКОЧИНСКИЙ

Сначала несколько дат, навсегда вошедших в историю науки.

27 июня 1954 года. Начала работать первая промышленная Атомная электростанция.

Четвертое октября 1957 года. Вышел на орбиту первый искусственный спутник Земли.

Пятнадцатое сентября 1959 года. Атомный ледокол «Ленин» направился в воды Балтики.

Седьмое октября 1959 года. На Землю передана фотография невидимой стороны Луны...

И сделали эти мировые научные открытия советские ученые, советские люди.

Почему же эти грандиозные открытия, объединяющие в себе величайшие достижения почти всех областей науки и техники, произошли именно в нашей стране? Случайно ли это?

Не будет преувеличением, если я скажу, что мы первыми в истории науки порвали цепи земного тяготения и вышли в космос потому, что мы первыми в истории порвали цепи капитализма, цепи эксплуатации. Мы первыми в истории заставили атом служить мирным целям, потому что именно у нас в стране в 1917 году прозвучал первый Декрет о мире. Иными словами, база для этих открытий создана Великой Октябрьской социалистической революцией, победой социализма в нашей стране, претворением в жизнь идей марксизма-ленинизма.

Ленинское революционное учение — ленинизм — высшее достижение русской и мировой культуры. Ленин был не только революционным мыслителем и проникновенным ученым в области общественных наук. Работа Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» показывает, с какой глубиной и страстью Владимир Ильич вникал в проблемы химии, физики, математики, биологии и других наук. Его работы сыграли глубоко прогрессивную роль в развитии естествознания.

В. И. Ленин всегда подчеркивал, что полное использование возможностей науки и техники в интересах человека может быть только при замене капитализма новым общественным строем. «Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общественным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации»,— писал Владимир Ильич.

Грандиозными успехами в области науки мы обязаны также всей постановке системы народного образования. Недаром Советский Союз выпускает сейчас больше инженеров, чем любая другая страна мира. У нас в стране каждый человек может учиться и работать в той области, которая его интересует, где у него есть способности, талант.

В создании материально-технической базы коммунизма большую роль играет горная наука — наука, являющаяся теоретическим фундаментом для развития угольной и горнорудной промышленности, обеспечивающей сырьем и топливом металлургическую, химическую и энергетическую промышленность Союза.

Я сам старый горняк, и мне особенно знакомо и дорого то, что дала победа идей Ленина, его учения, именно близкой мне горной науке.

...1918 год. Разруха. Голод. Голод не только хлебный, но и не менее страшный для страны — топливный. Фабрики и заводы стоят. Нет угля. Значительная часть территории страны в руках захватчиков. И вот в это трудное и сложное время Ленин, смело заглядывая в грядущее, выдвигает идею обеспечения страны своим сырьем. Эта ленинская мысль нашла воплощение в широчайшем размахе геологических исследований в нашей стране, в поисках полезных ископаемых. Иногда указания непосредственно самого Владимира Ильича помогали решить тот или иной вопрос. Пример — Курская магнитная аномалия и подземная газификация углей.

В 1921 году по предложению Ленина была организована Особая комиссия по исследованию Курской магнитной аномалии. Во главе комиссии стоял И. М. Губкин.

«Дело это надо вести сугубо энергично, — писал В. И. Ленин в 1922 году Кржижановскому. — Я очень боюсь, что без тройной проверки дело заснет».

Как бы порадовался Владимир Ильич сейчас, если бы увидел, как ведутся работы на КМА! Горняки, геологи, инженеры, рабочие выполнили наказ Ленина. В главных месторождениях КМА — Яковлевском и Гостищевском — разведано около пятнадцати — двадцати миллиардов тонн высокосортной руды! А ведь все разведанные запасы руды в России до революции насчитывали всего два миллиарда тонн.

Или добыча нефти и газа. Нефти добывалось в царской России около девяти миллионов тонн, а в прошлом году мы получили ровно на 120 миллионов тонн больше. Природного газа не добывалось вообще, а только за один прошлый год мы получили его свыше 37 миллиардов кубических метров.

Огромные масштабы добычи различных полезных ископаемых потребовали от горной науки разработки новых технических, высокоэкономичных методов их добывания, опирающихся на прочные научные основы физики, химии, математики и экономики.

Советскими учеными, инженерами и конструкторами созданы врубовые и погрузочные механизмы, горные комбайны, машины для механизированного транспорта ископаемых под землей и на поверхности. Примитивные способы крепления горных выработок вытесняются современными механизированными крепями, в основу создания которых положена разработанная советскими учеными теория горного давления. Теоретически и практически разработан метод добычи ископаемых более эффективным, а главное, более удобным и здоровым для шахтера — открытым способом.

Ленинская забота об облегчении труда горнорабочих вызвала к жизни совершенно новые области горной науки, в которых при помощи физики и химии исследуются и решаются вопросы нормализации и безопасности труда. Рудничная аэродинамика, создание на ее основе совершенных и мощных вентиляционных систем, разработка научных методов прогноза рудничных газовыделений обеспечили сейчас советским шахтерам невиданные ранее условия работы. Сейчас ученые работают над решением очень интересной и важной проблемы — полного вывода людей из забоя. И добычу и транспорт ископаемых будут вести механизмы, управляемые человеком на расстоянии.

Все это новая техника — техника коммунизма. Она ставит вопрос об обеспечении полной безопасности труда горнорабочих, создавая такие условия санитарии, которые мало чем будут отличаться от обычных условий работы в любых других отраслях производства.

Я говорил о горной науке, наиболее близкой мне. Но нельзя не вспомнить и об успехах советских ученых в других областях.

Советский человек все полнее подчиняет себе природу. Как не упомянуть третий советский искусственный спутник Земли, с помощью которого были проведены широкие исследования космических лучей, корпускулярного излучения Солнца, магнитного поля Земли, строения ионосферы и много других исследований, важнейших для изучения космического пространства.

Прорыв советских ученых в космос — это революция в покорении природы...

Сразу же после революции, в 1918 году, в «Наброске плана научно-технических работ» Ленин подчеркивал, что при составлении плана реорганизации промышленности и экономического подъема России особое внимание должно быть обращено на электрификацию промышленности, транспорта и на применение электричества в земледелии. Это был не только наказ ученым, — Ленин рассматривал электрификацию страны как вторую программу Коммунистической партии.

Недавно, выступая на Всесоюзном совещании по энергетическому строительству, Н. С. Хрущев сказал, что «наша страна достигла такого высокого уровня в развитии экономики, науки и техники, что мы можем приступить и в ближайшие пятнадцать — двадцать лет осуществить выдвинутую великим Лениным задачу сплошной электрификации».

Для осуществления ленинской идеи сплошной электрификации требуется поднять производство энергии до 900 миллиардов киловатт-часов уже в 1970 году. Электрификация нашей страны — блестящий пример социалистического содружества научных, конструкторских и производственных организаций в масштабах всего государства, возможного только при социализме.

Диалектическое взаимодействие между наукой и техникой порождает и развивает электронику, радиотехнику, телевидение. Знаменателен важный вклад советских ученых в развитие научных основ и теории автоматизации. Автоматизация в условиях социалистического общества имеет не только экономическое, но и социальное значение. При автоматизации производства коренным образом меняется не только производительность, но и характер труда, повышается культурный уровень рабочих.

Забилось атомное сердце ледокола «Ленин». Советское ракетостроение и самолетостроение не имеют в мире равных. Исключительная роль в строительстве коммунизма играет химическая промышленность. Достаточно сказать, что над проблемами исследования в области химии трудится около 280 научно-исследовательских организаций Академии наук СССР, академий союзных республик, отраслевых институтов и центральных заводских лабораторий.

Советская наука решает многочисленные проблемы, которые оказывают прогрессивное, революционное влияние на развитие всего народного хозяйства.

Девяностолетие со дня рождения Владимира Ильича мы отмечаем в период развернутого строительства коммунизма в нашей стране. Как построение коммунизма невозможно без постоянно развивающихся, растущих достижений науки и техники, так и по-настоящему полное развитие науки и техники, полное развитие всех способностей человека невозможно без победы ленинизма, без победы идей Владимира Ильича Ленина.

Учитывая огромные заслуги Н. С. Хрущева в развитии угольной промышленности СССР и постоянную заботу о советских горняках, VI съезд профсоюза рабочих угольной промышленности решил присвоить старейшему донецкому шахтеру товарищу Хрущеву звание «Почетный шахтер» и наградить его знаком «Шахтерская слава» 1-й степени.

Делегаты съезда посетили Никиту Сергеевича в Кремле и сердечно поздравили его с высокой наградой.

На снимке: начальник комбината «Приморскуголь» Герой Социалистического Труда А. С. Аллилуев вручает Н. С. Хрущеву диплом и нагрудный знак «Почетного шахтера» и знак «Шахтерская слава» 1-й степени.

Фото А. Устинова.

12 апреля в Москву прибыл с визитом дружбы по приглашению Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова Председатель Президиума Великого народного хурала МНР Жамсарангийн Самбу.

Ж. Самбу нанес в Кремле визит К. Е. Ворошилову.

Фото О. Кнорринга.

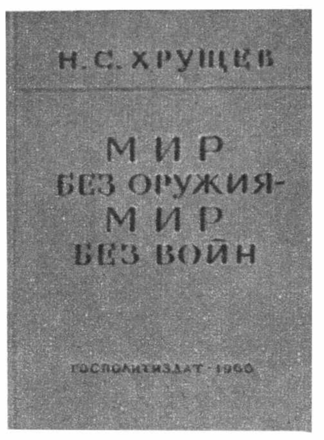
МИР БЕЗ ВОЙН

«Мир без оружия — мир без войн» — нет сейчас на нашей планете более популярного призыва, чем этот. Он начертан и на обложке вышедшего массовым тиражом в Госполитиздате двухтомника выступлений Н. С. Хрущева по вопросам внешней политики СССР и международного положения в течение 1959 года. Трудно найти хотя бы одну страницу — а всего в двухтомнике около тысячи страниц,— где бы не повторялось заветное слово «мир». За этим словом в выступлениях Н. С. Хрущева — громадная сила убежденности, страстное желание навеки утвердить мир на земле, осуществить тем самым сокровенную ленинскую мечту. На торжественном собрании в Кремле Н. С. Хрущев при вручении ему международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» говорил:

«Делу мира между народами Ленин отдавал все силы своего гения, силы пламенного трибуна, мудрейшего государственного деятеля... Ленинские идеи мира и дружбы между народами являются основой, фундаментом внешней политики Советского государства. Мы верны ленинским идеям, последовательно проводим их в жизнь, будем делать все, чтобы избежать войны и построить добрые отношения между народами, между государствами, независимо от их социального устройства. Мы стоим за мирное сосуществование!»

В Московском кремле, на XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза, и в станице Вешенской, в Киеве и Туле, в Кишиневе и Владивостоке, в Пекине и Сан-Франциско, в Берлине и Будапеште — везде глава Советского правительства выступает последовательным ленинцем, сеятелем дружбы и мира между народами. Об этом еще раз убедительно свидетельствует двухтомник выступлений, речей и бесед Н. С. Хрущева, изданный по просьбе многих тысяч трудящихся.

В. АННЕНКОВ

ПЯТЬ ЛЕТ СО ДНЯ ОТКРЫТИЯ КОНФЕРЕНЦИИ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ В БАНДУНГЕ

ДУХ БАНДУНГА ЖИВЕТ И ВДОХНОВЛЯЕТ

Бандунг. 18 апреля 1955 года. День, который нельзя забыть. В этот день представители государств Азии и Африки собрались в солнечном городе, чтобы самим решать свою судьбу и будущее афро-азиатских народов.

Да, этот день не изгладится из памяти людей. Гордо развевались над дворцом «Мердека» флаги 29 государств Азии и Африки. Цветами, листьями пальм и баньяна были увиты фасады общественных зданий и жилых домов, улицы украшены лозунгами и транспарантами со словами приветствий, пожеланий успеха конференции, приковавшей к себе внимание всех народов стран Азии и Африки.

В тот день все население Бандунга — старые и молодые, мужчины и женщины — запрудило центральные улицы города, собиралось у дворца «Мердека» и гостиниц, где остановились гости, руководители афро-азиатских государств.

Такое же оживление и энтузиазм пережил Бандунг еще только раз, через пять лет, когда по его улицам проезжал Председатель Совета Министров Советского Союза Н. С. Хрущев, посетивший Индонезию по приглашению президента республики Сукарно.

Этим двум событиям присущи некоторые общие черты. И Бандунгская конференция и визит Н. С. Хрущева в страны Азии непосредственно и тесно связаны с борьбой против колониализма, с борьбой за мир, за мирное сосуществование государств.

Н. С. Хрущев является общепризнанным, великим борцом за мир, выразителем мирной политики Советского Союза. С первых дней своего возникновения Советское государство боролось и борется против империализма и твердо выступает в защиту стран, превращенных в колонии. Идея мирного сосуществования народов и государств без различия существующих в них общественных систем красной нитью проходит через все выступления Председателя Совета Министров СССР, когда он говорит об установлении дружеских связей между странами, о равенстве народов, больших и малых.

В своей приветственной речи на открытии конференции президент Сукарно, обращаясь к ее участникам, сказал:

«Мы едины, и одним из факторов, нас объединяющих, является наша общая ненависть к колониализму, в какой бы форме он ни проявлялся... Колониализм еще не умер... Где бы, когда бы и в какой бы форме колониализм ни появлялся, он является тяжким злом, которое должно быть сметено с лица земли.

Разве кто-нибудь из нас не заинтересован в мире?..— продолжал президент Сукарно.— Нет более насущной задачи, чем сохранение мира. Без мира от нашей свободы мало проку. Не много будут значить и реконструкция и строительство, которые мы осуществляем в наших странах. Наши революции будут лишены возможности дальнейшего развития».

Эти идеи воодушевляли делегатов последующих встреч стран Азии и Африки. Вспомним конференцию студентов в Бандунге, женщин афро-азиатских стран в Коломбо, конференцию по экономическим вопросам в Каире. Огромное значение имела конференция солидарности стран Азии и Африки в Каире. На конференции писателей в Ташкенте родился «дух Ташкента» — дух совместной борьбы писателей и народа за свободу и содружество народов двух великих континентов. И, наконец, сейчас происходит Вторая конференция солидарности стран Азии и Африки в Конакри, в столице молодой Гвинейской Республики.

С каждым днем все больше крепнут связи стран и народов, все мощнее развертывается движение против колониализма. Оно с особой силой дает о себе знать в Африке. Борьба эта сопряжена с большими жертвами — вспомним недавние зверские расстрелы колонизаторами в Южной Африке людей, стремящихся к свободе и справедливости. Народы Азии и Африки не могут относиться равнодушно к этим злодеяниям. Они поднимают гневный голос протеста. Этот протест с большой силой прозвучал и на Второй конференции солидарности стран Азии и Африки в Конакри.

После Бандунга прошло пять лет. Уже выдвигается идея созыва второй конференции, на которой присутствовали бы представители стран Азии и Африки, принимавшие участие в Бандунгской конференции 1955 года. Высказывается мысль об участии в ней и представителей народов стран Латинской Америки. Было бы правильно, если бы на эту конференцию получил приглашение и Советский Союз — государство, в большей своей части лежащее на азиатском континенте, государство, решившее судьбу населяющих его народов в духе полного равноправия, дружбы и сотрудничества, государство, проводящее неуклонную и ясную политику антиколониализма, защиты и поддержки всех угнетенных народов.

Огонь, зажженный в Бандунге пять лет назад, продолжает гореть и будет пылать все ярче, призывая к борьбе против колониализма.

Профессор ИНТОЙО
Индонезия.

ПРЕБЫВАНИЕ А. И. МИКОЯНА В ИРАКСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

А. И. Микоян и Абдель Керим Касем обмениваются рукопожатием.

Фото специального корреспондента ТАСС В. Егорова. Снимок принят по фототелеграфу.

КИТАЙ. Широко изучаются в Китайской Народной Республике произведения В. И. Ленина, печатаемые и распространяемые в массовых тиражах.

Наша социалистическая республика Советов будет стоять прочно, как факел международного социализма и как пример перед всеми трудящимися массами.

В. И. ЛЕНИН.

Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни.

В. И. ЛЕНИН.

Китайский народ осуществляет грандиозные работы по электрификации страны и преодолению векового бедствия — наводнений. Перед нами — строительство мощной плотины на реке Хуанхэ. Плотина предотвратит наводнения в районе, где живет восемьдесят миллионов человек. Электростанция на плотине будет обладать мощностью до миллиона киловатт.

38 томов полного собрания Сочинений Ленина на китайском языке издано в народном Китае. Так выглядят эти тома, неисчерпаемый кладезь исторического опыта пролетарской революционной борьбы и строительства социализма.

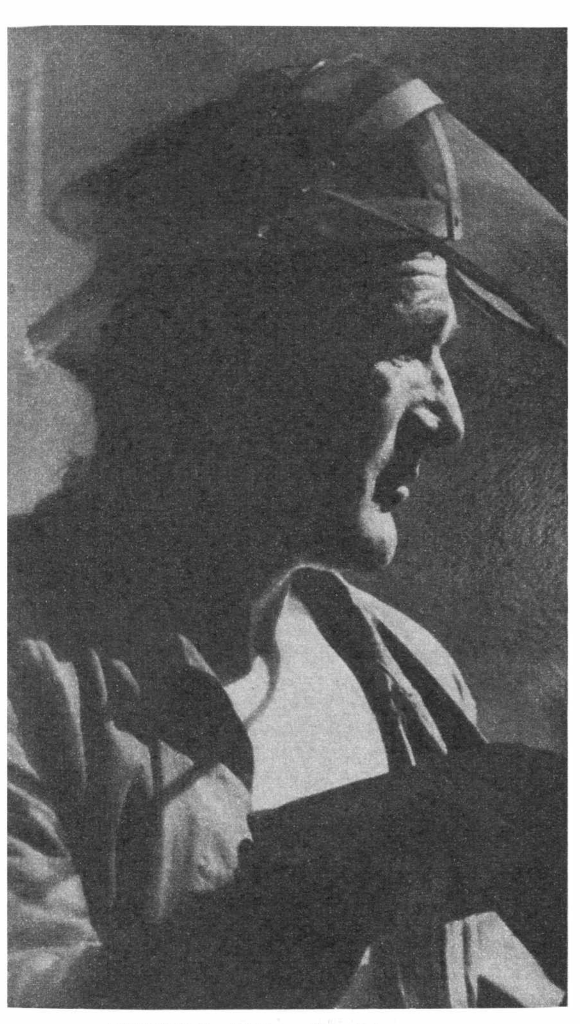
ПЛЕЧОМ

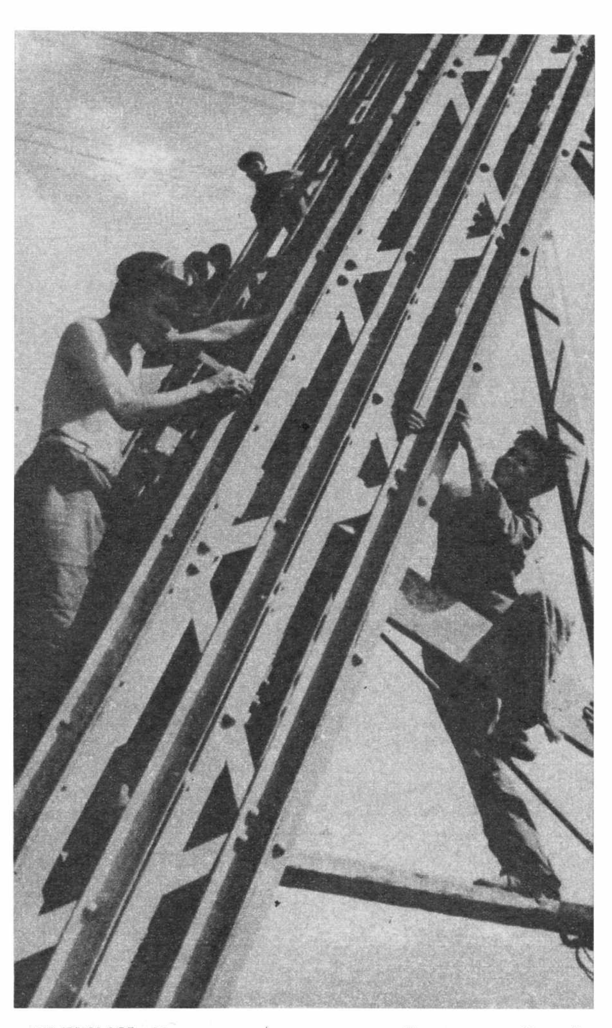
Фото агентства Синьхуа.

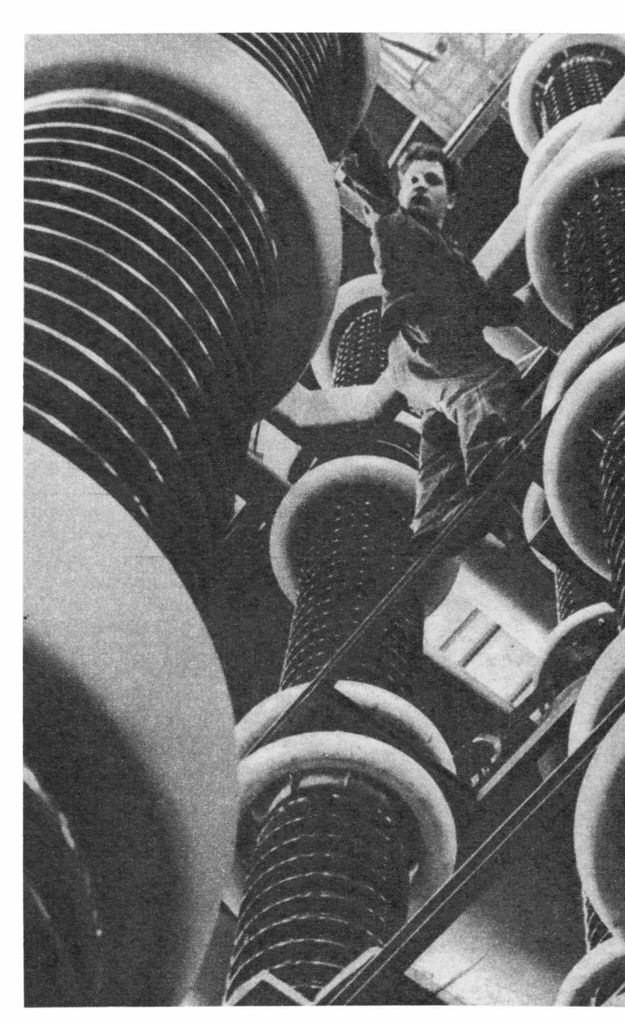
ЧЕХОСЛОВАКИЯ. Применение радиоизотопов стало обычным в медицине, в химии, в промышленности, сельском хозяйстве.
На снимке: В Пражском научно-исследовательском институте.
Фото Чехословацкого телеграфного агентства.

ВЕНГРИЯ. Рабочий алюминиевого завода — один из тех, кто взял судьбу страны в свои руки.

ВЬЕТНАМ. Недавние солдаты освободительной войны сегодня приступили к реконструкции своей освобожденной родины.

ГДР. Мощные трансформаторы, изготовленные в Дрездене, участвуют в электрификации братских социалистических стран.

Фотографии с международной фотовыставки «Социализм победит».

К ПЛЕЧУ—ОДНОЙ ДОРОГОЙ

Софья ВИНОГРАДСКАЯ

Рассказ

Слава

Синеглазый мальчик в очках жил в Петербурге, на Знаменской, а его отец, польский революционер, — в Сибири, в ссылке.

Прежде они жили в старинном городе Вильно, а когда отца сослали, мать уехала к нему и Веслава оставила в столице у тети Юлии, которая очень напоминала ему папу: такая же полная, невысокая, добрая, синеглазая.

Только тетя Юлия не была революционеркой. Она была зубным врачом. Но, если нужно, тетя становилась вдруг решительной и смелой, как папа.

Началась война с немцами. По улицам маршировали солдаты, и Веслав, в соломенном картузике, коротких штанишках, бегал вместе с ватагой мальчиков вслед за ними и пел солдатские песни.

Однажды, вернувшись из города, тетя сказала племяннику:

— Веслав, мне нужно с тобой поговорить. По серьезному делу.

Она сняла соломенную шляпу с большими полями, поправила перед зеркалом высокую прическу и села на диван.

— Сегодня мне удалось определить тебя в гимназию. Завтра ты опять начнешь посещать занятия. Вот в связи с таким важным событием нам нужно условиться...

Тут синие, всегда ласковые глаза тети Юлии стали почти черными и такими решительными, словно она вооружилась своими щипцами и собралась удалять пациенту зуб.

Веслав напряженно ждал, что будет дальше.

— Ты в гимназии не говори, что папа был арестован. Никто не должен знать, что он сослан. Это большая тайна. Если ты ее выдашь, плохо придется и мне и тебе. А папе ты причинишь ужасное огорчение и маме тоже. — И уже значительно мягче, и на этот раз по-польски, она спросила: — Да́ешь слово? Слово гонору? [1].

— Дае, вла́сьне! [2] — Над крутым мальчишеским лбом упрямо встал жесткий белесый вихорок, выжженный летним солнцем.

— И еще, Веслав, — уже на ходу проговорила тетя, — если тебя спросят, скажи, что ты уехал из Вильно недавно, потому что началась война...

С того дня Веслав носил в себе невероятную, как он понимал, тайну.

Однажды в приемную к тете пришел пациент, он морщился от зубной боли и держался рукой за щеку. Тетя равнодушно пропустила его в кабинет, но в тот день больше уже никого не принимала. Наутро Веслав обнаружил, что пациент ночевал на диване за шкафом.

После завтрака, когда Веслав укладывал учебники в ранец, тетя Юлия сказала:

— Веслав, у нас никто не ночевал. Вообще никто из посторонних у нас никогда не ночует. Да?

И ее круглый синий глаз стал вдруг острым и стальным, как сверло бормашины.

— Вла́сьне, — торопливо ответил мальчик и ушел в гимназию. А его синие глаза под очками стали хмурыми, как небо над городом, в котором проходило такое трудное детство Веслава.

Иногда мальчика неожиданно посылали на улицу — постоять минут десять у подъезда. Когда он возвращался, его ни о чем не спрашивали. И он тоже ничего не спрашивал.

Так прошло почти три года.

И вдруг все это кончилось.

Весной свергли царя. По прямым великолепным улицам столицы потекли бурные людские реки. Все в империи тронулось, как в ледоход. Вернулся из Сибири отец Веслава и с ним мама. Семья соединилась.

Сняли квартиру неподалеку от тети Юлии, и в эту новую квартиру люди приходили, не таясь. Все приходившие были товарищами. Товарищами папы.

Веслав расспрашивал о Сибири, слушал споры, бегал на митинги и пел вместе со всеми «Вихри враждебные веют над нами...».

Дивясь перемене, происшедшей в сыне за годы разлуки, отец заметил как-то:

— Веслав очень начитан и не по летам развит. Сказалось влияние Юлии...

— Нет, Мечислав, — тетя покачала головой.— Это жизнь сделала его таким. Что ты хочешь, замкнутая жизнь в явочной квартире!

Так вот оно что! У тети Юлии была явка. Это революционеры приходили к ней под видом пациентов.

Вспомнив о явке, все сразу стали очень веселыми: кончилось, кончилось наваждение, все эти аресты, ссылки, обыски... Революция!

Так началась вторая жизнь маленького Веслава, сына революционера. И в этой жизни у мальчика появились новые, важные дела, а затем неожиданно и новые тайны.

Уже на третий день после возвращения из ссылки отец сказал:

— Слава, завтра чуть свет беги на Невский и купи у газетчика «Правду». Снова начинает выходить газета нашей партии.

Наутро отец еще не проснулся, а Веслав уже выбежал из дому.

На углу Невского продавали газеты.

— Мне «Правду», — сказал Веслав. — Мне нужна газета «Правда». У вас есть такая газета?

Уплатив пятачок, он помчался домой с добычей.

— Та́тусь, пшине́с! — по-польски закричал Веслав, врываясь в квартиру. — Пач, та́тусь. То ест «Правда». Пѐрши нумер! [3].

Отец развернул газетный лист и приник близорукими глазами к мелким строчкам типографского набора. Он читал вслух, столбец за столбцом: «Пролетариат Петербурга и России помнит газету «Правда». Высоко держала пролетарское знамя наша рабочая газета два года». Все собрались вокруг отца и слушали голос «Правды», который умолк почти три года назад.

С того памятного воскресенья Веслав бегал каждое утро за газетой. Если ее не оказывалось на Невском, он отправлялся на поиски. Его встречали и в магазине «Прибой», где продавалась партийная литература, и на далеких заставах, где рабочую газету легче было найти, нежели в центре, населенном богачами.

Отец прочитывал номер и уходил в Петроградский совет, а после его ухода газету раскрывал Веслав. Чего только не узнавал он! Открыт железный фонд «Правды». Призывают жертвовать в этот фонд, потому что у редакции нет своей типографии и нужны средства. В правительство вошли десять министров-капиталистов. Долой их! Вся власть Советам! Долой империалистическую войну! Товарищи, читайте газету вслух своим товарищам!

Это правильно: номеров не хватает, и надо, чтобы рабочие передавали друг другу правду, которую рассказывает «Правда».

Веслав прочитывал газету и складывал ее на бамбуковую этажерку.

Время в тот первый год революции мчится, казалось Веславу, с быстротой аэроплана. И он тоже мчался вслед за этим временем, за великими событиями.

Апрельским вечером прибежали товарищи папы, и в доме сразу началось волнение. Все прикалывали красные банты к груди. Мама, тетя метались в поисках красных цветов. Непременно красных. Веславу прикололи к курточке бантик и дали в руки гвоздику.

— Тшíмай тэн червóны квя́тек! [4].

А Веслав волновался больше всех; он мастерил факел, наматывал на палку вату, бинт.

Когда наконец все были готовы, по улицам уже двигались колонны с факелами. Чем ближе к вокзалу, тем гуще толпа, теснее строй. Шли заводы. Шли полки. Шли гвардейские экипажи. Петроград встречал Ленина.

На всю жизнь мальчик запомнил все, что произошло там, у Финляндского, на площади. Два броневика, как два стража, у вокзала. Команда «На караул!». Затем «Ур-р-а-а!», расколовшее площадь. Медный гром, ударивший из труб и тарелок оркестра. Прожектор, полоснувший ряды матросов. Океан людей. А посреди океана человек на броневике, и волны людские шумят у его бортов.

Вот какая была весна! Но потом, чем ближе лето, тем тревожней стало в доме. И тревожней звучали страницы «Правды».

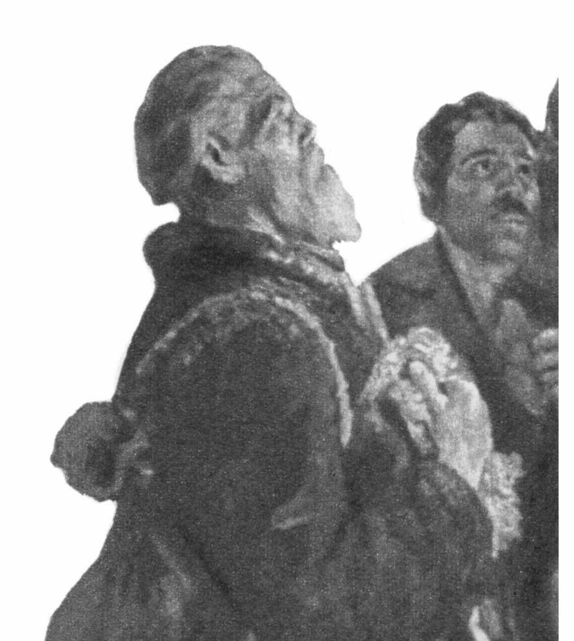
Однажды Веслав вернулся домой, потрясенный своей неудачей.

---

[1] Честное слово.
[2] Даю, конечно!

[3] Папа, принес! Смотри, папа. Это «Правда». Первый номер!

[4] Держи этот красный цветок!

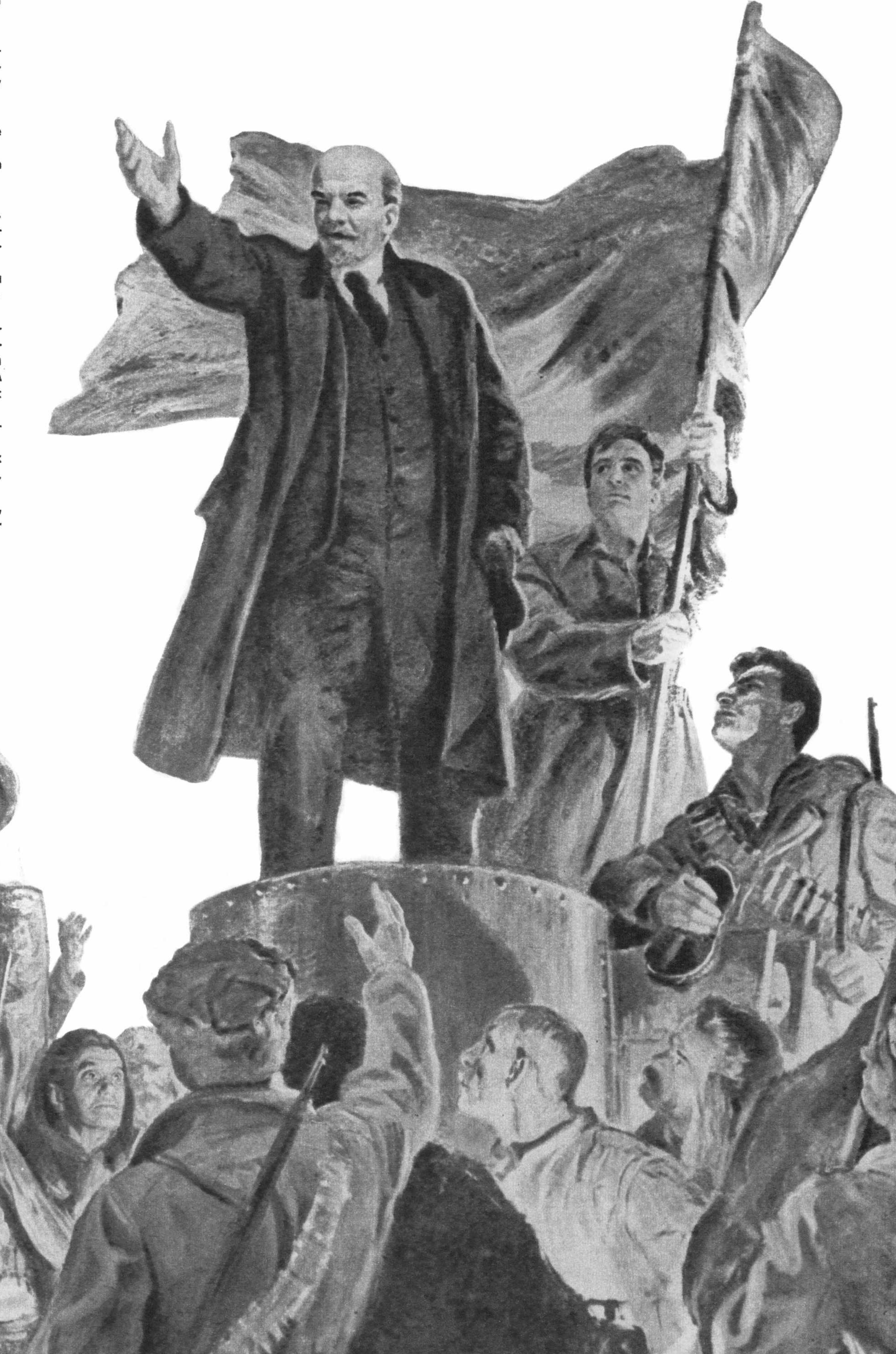

И. М. Тоидзе. ПРИЗЫВ ВОЖДЯ. Фрагмент.

— Та́тусь, нѐма «Правды», жаднѐго ли́сту![1] — взволнованно выговорил он.
— «Правда» не вышла, — мрачно сказал отец. — Напрасно бегал. Юнкера разгромили нашу редакцию.
Вмиг все в детском мозгу пришло в связь: недавняя демонстрация, на которую его не пустили, угроза исключения из гимназии, если он будет читать в классе большевистскую газету.
Вечером пришел товарищ Феликс, и папа тут же стал рвать какие-то бумаги. А товарищ Феликс все звонил по телефону и говорил: «Пора! Пора, пока не поздно».
Он был так печален, что Веслав сразу догадался, на кого похож сегодня товарищ Феликс: на рыцаря из книги Сервантеса.
Кончив разбирать бумаги, папа дал какой-то пакет маме.
— Сохрани во что бы то ни стало.
С ужасом смотрел Веслав на происходящее: все так похоже на то, что уже было однажды там, в Вильно, перед тем как папу арестовали.
Мама завернула пакет в полотенце.
— Думаю, на чердак... Там, кстати, белье висит...
— Маму́ня, то я, то я зро́бе, я пу́йде на гу́ре [2],— вызвался Веслав.
Товарищ Феликс посмотрел на него:
— Это правильно. Лучше, чтобы мальчик...
— А «Правда»? — резануло Веслава по сердцу. — А моя «Правда»? Ведь если там разгромили все?..
И, прежде чем старшие ответили ему, он сгреб с полок все номера газеты и запихал в наволочку.
Когда Веслав спустился с чердака, у подъезда дома заскрежетали тормоза грузовой машины. В квартиру вошли люди в военном. Они искали что-то, выспрашивали, писали, потом ушли. А папу и товарища Феликса увели с собой.
То, что, казалось, никогда больше не повторится, произошло.
— Мама, но ведь теперь революция... Как же это? Ведь нет жандармов... Кто же эти?..
Но мама только сжимала голову руками.
— Не успели! Не успели скрыться! Ни папа, ни Феликс. Что-то роковое... А Ленин? — И мама стала звонить по телефону...

[1] Папа, нет «Правды», ни одного номера!
[2] Мамочка, я это сделаю, я пойду наверх.

На другой день мама месила тесто, а Веслав стоял в длинной очереди к фирменному магазину «Жорж Борман». Он достал две плитки шоколада, мать положила их вместе с хлебом в узелок. В тюрьму поехали на трамвае. Когда «сделали отцу передачу», Веслав отпросился в магазин «Прибой»: может быть, все же вышла «Правда»?
Он вернулся домой с добычей, вытащил из-за пазухи «Листок «Правды» и читал маме вслух:
«Не имея возможности выпустить сегодня очередной номер «Правды», мы выпускаем «Листок «Правды». Завтра мы надеемся выпустить очередной номер «Правды».
Дальше листок рассказывал об июльских событиях и призывал:
«Товарищи рабочие, солдаты!.. Не поддавайтесь на провокацию!»
Веслав прочитал все до конца и спрятал «Листок» в мешочек с мукой, из которой мама пекла хлеб для отца.
Наутро Веслав снова был на посту. Но сколько он ни ездил к далеким заставам, все было напрасно: «Правда» больше не выходила...
Некоторые газетчики уже знали в лицо паренька в очках, коротких летних штанишках и распахнутой курточке с хлястиком. То, что однажды сунул ему в руку газетчик, никак не походило на знакомую ему прежнюю «Правду». Веслав нерешительно топтался на месте.
Но тут газетчик подмигнул ему: «Гони гривенник и катись!»
Да, это была прежняя «Правда», но она

скрылась под новым названием: «Рабочий и солдат». Потом она опять исчезла, казалось, без следа. Прошел день, другой, и вдруг снова всплыла уже под названием «Пролетарий». Недолго жила газета — неделю-другую, и опять Веслав брел домой понурый, с пустыми руками. А спустя некоторое время газетчик кричал:

— Вышла новая газета «Рабочий»! Кому «Рабочий»?

И опять оказалось, что это «Правда».

Так прошло лето и наступила осень. Большевики вырвались из тюрьмы. За отца Веслава внесли залог — две тысячи рублей керенками, — и он приехал домой на извозчике вместе с товарищем Феликсом.

Два месяца без перерыва выходила газета «Рабочий путь». Опять словно весна вернулась и начался ледоход, все пошло грохотать, крушить, ломать. Но теперь ломали уже не империю Романовых, а власть буржуазии.

— В Смольном Ленин! — позвонил маме по телефону отец, который вот уже сколько дней пропадал в Петроградском совете.

— Арестовали Временное правительство! — на рассвете сообщил он.

Слава вскочил с постели — бежать, бежать за газетой! Было 7 ноября. Он принес газету «Рабочий путь» и прочитал: «Открылся Второй съезд Советов». Это был последний номер газеты. Затем вышла наконец «Правда».

«ПРАВДА»

(«Рабочий путь»)

Так называлась теперь газета. Вернулась! Вернулась «Правда»! Четыре месяца скрывалась, таилась под разными именами и вот снова объявилась и во всю ширь первого листа провозгласила:

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО СОВЕТОВ!»

«Рабочие, солдаты, крестьяне, все, как один человек, стойте за эту народную власть!»

— Свершилось! — сказала мама.

— Я пу́йде на гу́ре! [1] — объявил взволнованно Веслав и побежал на чердак, где с июльских дней хранилась «Правда».

На следующий день пришел домой отец. Веслав сидел на полу и сосредоточенно разбирал газеты — по месяцам, по названиям. Последний номер — от 10 ноября.

— Да у тебя настоящий партийный архив! — вскричал отец и по-мужски пожал сыну руку.

☆ ☆ ☆

Весной восемнадцатого года советское правительство переехало в Москву. Веслав с папой и мамой поселились в Кавалерском корпусе Кремля, на третьем этаже, где жили наркомы, члены коллегий, сотрудники секретариата Ленина.

Отец Веслава стал теперь членом коллегии Народного комиссариата юстиции. Мать работала в редакции. А Веслав с осени начал учиться в Опытно-показательной школе имени старого большевика Пантелеймона Лепешинского в Обыденском переулке.

Как и все мальчики, ученики этой школы увлекались коллекционированием; кто собирал марки, кто монеты, кто бумажные деньги: керенки, карбованцы. Но Веслав по-прежнему собирал редкие печатные издания революции. Среди них уже находился оттиск с рисунка Лепешинского «Как мыши кота хоронили».

Свой архив Веслав хранил теперь в отцовском шкафу. Приходили товарищи отца, порой перелистывали газеты, делали выписки, и каждый хвалил Веслава:

— Как все это сохранилось? И в таком образцовом порядке!

И вот в связи с этим архивом случилось в маленькой жизни Веслава большое событие.

Понадобились как-то председателю Совета Народных Комиссаров номера дооктябрьской «Правды». И вдруг выяснилось, что нигде — ни в Румянцевской библиотеке, ни в конторе редакции — нет комплекта.

Ленин был озадачен. На очередном заседании Совнаркома он спросил:

— Товарищи, нет ли у кого-нибудь «Правды» семнадцатого года? Нигде не могу достать, а мне очень нужно для работы.

Все молчали. Вдруг с дальнего конца отозвался народный комиссар юстиции:

— Владимир Ильич, такой комплект есть тут, в Кремле...

— Даже в Кремле? — обрадовался Ленин.— А мы ищем, ищем... Где же, Петр Иванович?

— В Кавалерском корпусе. У одного мальчика...

— У мальчика? — удивился Ленин.

— Да, Владимир Ильич, у сынишки Озовского. Это мой маленький друг. Я сам часто пользуюсь его архивом.

— Но откуда у него архив? — дивился Ленин.

— Собрал, когда жил в Петрограде. Целый клад накопил: и газеты и листовки. Все сохранил, представьте себе, и привез с собой, когда в Москву переезжали. Не мальчик, а ученый архивист...

— Это поразительно! — восхитился Ленин.— А можно у него попросить комплект? Даст он свой клад?

— Ну, разумеется! — рассмеялся народный комиссар юстиции. — Дает же он мне! А уж вам, Владимир Ильич...

Ленин записал имя юного владельца драгоценного комплекта, и в тот же день в квартире члена коллегии Наркомюста появилась сотрудница секретариата Ленина.

Анна Петровна Кизас жила в том же коридоре, что и Веслав, и часто поздним вечером заходила к его матери покурить. Веслав знал, что именно эта женщина стирала в тазу окровавленные бинты в страшную ночь после ранения Ленина...

Веслав сидел за отцовским столом и готовил уроки, когда вошла белобровая, с пронзительными светлыми глазами Анна Петровна.

— Слава, а ведь я к тебе пришла...

И Анна Петровна помахала перед самым лицом Веслава сложенным листком бумаги.

— Пожалуйста, Анна Петровна! — Веслав вежливо встал, отложил географическую карту, которую срисовывал, и сквозь очки следил за движением мелькавшей у его глаз бумажки.

— Читай, «товарищ Веслав»! К тебе обращаются, «товарищ Веслав»! — словно затевая игру, чеканила Анна Петровна слова. — Один товарищ просит... — Анна Петровна развернула сложенный листок, ухватилась кончиками пальцев за его края, подвинула к очкам Веслава близко-близко: — Читай!

И Веслав прочитал записку, в которой Ленин просил товарища Веслава одолжить комплект «Правды» за 1917 год и обещал вернуть в сохранности по первому требованию.

— Ну, я пошла к маме, покурю... — Анна Петровна вышла, а когда вернулась, Веслав уже доставал из шкафа свернутые в трубки комплекты.

Зажав мундштук в зубах, Анна Петровна стала складывать их вместе. Веслав с опаской следил за ней.

— Анна Петровна, если искра попадет на газету... Вы не можете пока не курить?..

— Резонное замечание! — Анна Петровна вытряхнула окурок, сунула мундштук в карман жакета и ушла с газетами.

К Ленину «Правда» попала в тот же вечер. Он очень обрадовался, тут же стал перелистывать. Ни одного пропущенного номера, хотя так часты были перерывы в выпуске газеты и так часто меняла она свои названия!

— Даже если бы газета выходила аккуратно, и то можно было бы удивляться этой настойчивости в достижении цели, — заметил Ленин. — А ведь тогда в Петрограде черт-те что делалось. Свистопляска! Я и сам некоторых номеров не читал...

Добравшись до экстренных вечерних выпусков — трех листков, отпечатанных лишь на одной стороне и выпущенных в дни корниловского мятежа,— Ленин даже руками всплеснул:

— Страда! Настоящая страда для такого паренька! И это сделали не наши товарищи, взрослые, политически опытные люди! Сделал мальчик! Подлинно, слава ему!

А затем Ленин перешел к делу.

— Но не может же Советское государство обходиться без комплекта партийной газеты тех дней. Надо что-то предпринять...

Тут кто-то сказал, что мальчик Озовского, разумеется, отдаст Владимиру Ильичу комплект.

— Категорически протестую! — вскричал Ленин. — Лишать его такого сокровища! Уж раз мы оказались такими растяпами, что вовремя не подумали об этом, нечего пользоваться детским трудом. Да, да, не будем грабить политически сознательных ребят! А нельзя ли сделать фотокопию? Вот в Британском музее это практикуется в отношении редких документов, изданий.

Но, увы, в те трудные времена это было невозможно!

— А если заказать за границей? — Ленин прищурил глаз.

Но где?

Выход был найден. В Австрии проживал польский коммунист, товарищ Бронский. С ним списались, и он взялся за это дело.

— Но прежде чем отправлять уникальный комплект за границу, надо все же получить разрешение у владельца, — заметил Ленин.

И вот Веслав уже приглашен к народному комиссару юстиции Петру Ивановичу Стучке. Петр Иванович с женой проживают на третьем этаже Кавалерского корпуса, и комната у них обставлена так же, как у Озовских: круглый стол, ширмы, пузатый, времен Екатерины комод, белые, с золочеными ножками стулья, тусклые зеркала. Но все простенки заполнены книгами, стеллажи поднимаются до потолка. И эти книги — единственное имущество, которое привезли с собой новые жильцы, – замечательный латышский революционер и его жена, сестра латышского поэта Райниса. Когда бы Веслав ни заходил к этим людям, они всегда за книгой. И он вместе с ними погружается в этот увлекательный мир. Стучки руководят его чтением. И втайне неравнодушны к этому мальчику...

Но сегодня разговор шел не о книгах.

— Слава, как ты посмотришь вот на какое дело: нужно твой комплект, который сейчас у Владимира Ильича, послать за границу, в Вену, там его сфотографируют, и у Ленина будет фотокопия. Владимир Ильич спросил меня: «Как вы полагаете, ваш маленький друг даст разрешение?..»

«В Вену? Это Австрия... буржуазная... А вернется все обратно?» — проносились в смятенном мозгу Веслава вопросы. Но он не задавал их.

— Да, я разрешаю, Петр Иванович, — ответил он.

А потом, когда уже свыкся с мыслью, что не скоро вернется к нему заветный клад, он стал расспрашивать:

— А как это делают? Как фотографируют газеты? Ну, какой будет снимок? Такой же большой, как газета?

— Нет, это микрофотография. Ее смотрят посредством лупы...

Наконец «Правда» вернулась к Веславу. Но в каком виде! На большой отцовский стол лег сначала толстый фолиант в переплете. Затем поверх легли тома потоньше, поменьше. Все выпуски под разными названиями были туго переплетены — каждый выпуск отдельно.

— Владимир Ильич распорядился, чтобы переплели твое сокровище. А это тебе премия! — И Анна Петровна протянула Веславу еще один том, последний: — Это фотокопии некоторых, наиболее интересных номеров, — пояснила Анна Петровна. — Вот посмотри первый снимок.

Веслав стал читать мелкий фотографический оттиск на толстом картоне: приезд Ленина в Петроград... Потом прибежали товарищи — мальчики из Кавалерского, Офицерского корпусов, из Потешного, и все толпились за его спиной, старались прочитать текст...

Когда все перечитали, на внутренней стороне переплета обнаружили маленькую наклейку. Латинскими буквами там было напечатано: «Бухбиндерлей. С. Вильскер. Вин 8. Альбертгассе № 26».

То был адрес переплетной мастерской в Вене. А где же адрес фотографии? Его не было. Значит, фотографировали секретно, понял Веслав. И его воображение было взволновано тайным путешествием «Правды» в капиталистическую страну. Прежде, еще до Советской власти, он скрывал ее на чердаке в Петербурге, а теперь, уже при Советской власти, она скрывалась где-то в Вене...

☆ ☆ ☆

Но на этом замечательные события в жизни Веслава не кончились.

В Москве собрался конгресс Коминтерна. Тайно, по чужим паспортам, рискуя свобо-

[1] Я пойду наверх!

дой, пробирались делегаты кружными путями в столицу Советской страны.

— Я очень хочу их увидеть! — сказал Веслав отцу.— Достань мне билет.

— Ты еще молод! — ответил отец. — Конгресс — это не парад на Красной площади.

Веслав попросил товарища Стучку:

— Петр Иванович, нельзя мне пойти с вами один раз на конгресс? Только один раз, на доклад Ленина.

— Ты еще не дорос, Слава, — отвечал нарком словами папы. — Вот вырастешь, вступишь в партию, я сам дам тебе рекомендацию, и пойдешь на конгресс.

«Не дорос...» Когда собирал газеты и листовки, мне было еще меньше лет...» — говорила в сердце Веслава обида, а рука школьника уже выводила первые строчки письма:

«Дорогой товарищ Ленин! Простите, что я вам мешаю, когда вы так много работаете. Но я очень хочу посмотреть революционеров из разных стран капитала, послушать ваш доклад. Я просил папу и товарища Стучку дать мне билет, но они сказали, что я еще не дорос. Я ведь не виноват, что я медленно расту. Прошу вас дать мне билет на Коминтерн. Слава Озовский».

На конверте Веслав написал: «Председателю Совнаркома и вождю Третьего Интернационала товарищу Ленину».

Затем, раздумав сдавать письмо в будку у Троицких ворот, где принималась почта для Ленина, он постучался в комнату к Анне Петровне Кизас.

Анна Петровна так заговорщически заморгала своими жесткими, щетинистыми ресницами, что Веслав уверовал в свое счастье.

Но прошел день, прошел другой. Уже наступил поздний вечер. Веслав лежал в постели за тяжелыми фрейлинскими ширмами с плотным зеленым выцветшим кретоном, но уснуть не мог.

«Неужели не ответит? А папа говорит, что Ленин отвечает на все письма. Значит, не хочет дать билет...» Мысль об этом была совершенно невыносима. Конгресс открывается завтра. Скоро полночь. Вот уже пришел к отцу, как всегда в этот час, фельдъегерь, который доставляет правительственные пакеты. Сыну видно из-за ширмы, как отец откладывает бумаги, достает перо, чтобы расписаться.

Веслав лежит на спине, сцепив под головой пальцы рук. Упрямый вихорок над мальчишеским лбом отбросил на стену забавную тень. И вдруг рядом возникла другая — огромная тень, и прежде, чем он понял, что случилось, прежде, чем он услышал восклицание отца: «Славу? Веслава?» — за ширму, к его постели, уже ступил самокатчик, кожаный гигант с мужественным лицом, обрамленным шлемом.

— Слава Озовский? — справился гигант и оторвал от пакета приклеенный листок: — Распишитесь!

В руках мальчика конверт, и в нем записка на бланке. Ленин просит секретариат конгресса Коминтерна выдать товарищу Славе Озовскому, 14 лет, гостевой билет на заседания конгресса. Ленин пишет, что Слава, несмотря на свои молодые годы, политически вполне сознательный и оказал ему большую услугу.

— Ты писал Ленину? — спрашивал папа.

— Ты нам ничего не сказал... — удивилась мама.

Слава молчал.

На следующий день Веслав стоял в большой комнате Большого Кремлевского дворца перед высокой, строгой женщиной с суровыми глазами. Он невольно робел перед женщиной, о которой говорили, что у нее в жизни столько побегов из тюрем и ссылок, сколько лет она состоит в партии.

Женщина прочитала записку Ленина и гневно посмотрела на юного подателя:

— И не стыдно тебе отнимать у Ленина время? Пристаешь с такими глупостями! Пришел бы ко мне, я бы дала тебе билет. Так нет же, пишет, Ленину пишет...

Она отвернулась и коротко сказала молодой сотруднице:

— Гостевой, именной, на все заседания.

Потупившись, дожидался Веслав, а когда получил маленький билет с яркой полосой наискось, не сдержался и высказал все, что так наболело:

— Простите, но если бы я пришел к вам просить билет, вы бы мне его не дали. Вы сказали бы, что я еще не дорос...

— А пожалуй, и так! — неожиданно рассмеялась суровая женщина. — Пожалуй, прав! Не дала бы...

Вечером Веслав сидел в тронном зале Кремлевского дворца и слушал доклад Ленина, а в перерыве стоял в конце лестницы, прижавшись к перилам, и смотрел, как Ленин, окруженный делегатами, спускается по ступеням дворца. Рядом с Лениным шла Крупская, пряча руки в глубокие карманы длинного, до колен, жакета. Под вспышкой магния вдруг сверкнули ее глаза, Крупская зажмурилась и застенчиво отвернула голову.

А Ленин уже разглядел своим острым глазом за головами отважных революционеров, собравшихся сюда со всего света, мальчика в очках.

— Догадываюсь, это и есть наш славный архивист, — сказал он Надежде Константиновне. — Маленький владелец-хранитель уникального комплекта «Правды».

Поравнявшись с Веславом, Ленин чуть наклонил голову:

— Здравствуй, Слава! Как поживает твой архив? Ах, ты уже новый собираешь? Рисунки? Замечательно. Такой интерес к документам характерен для ученого. Ты кем хочешь быть? Ученым?

— Я хочу быть революционером, — сказал Веслав.

— Ну, это лучше всего! Это многих славных путь!.. — сказал Ленин и сочувственно, словно сообщник, посмотрел на мальчика в очках: да, рано взрослеют дети революционеров.

В. И. ЛЕНИН С ПЛЕМЯННИКОМ ВИКТОРОМ В ПАРКЕ В ГОРКАХ. Август — сентябрь 1922 года.

☆ ☆ ☆

Прошли годы. Уже никого из тех, о ком рассказано здесь, не осталось в живых.

Но спустя десятилетия по следам исторических событий явились в скромную квартиру в одном из кривых московских переулков сотрудники Института и Музея Ленина. Внучка двух польских революционеров — очень молодая мать, пепельноволосая, белолицая, синеглазая — раскрыла перед ними сокровища большого сундука. На свет были извлечены реликвии: письма, записки, фотографии...

На самом дне сундука покоились комплекты — «Правда», «Рабочий и солдат», «Пролетарий», «Рабочий», «Рабочий путь», — собранные сорок лет назад Веславом.

Отдельно хранился том фотокопий самых замечательных страниц «Правды». Приезд Ленина в Петроград. Декрет о земле. Декрет о мире. И сохранилась наклейка — адрес венского переплетчика на улице Альберта, в восьмом квартале города Вены...

Пристально всматривались научные сотрудники в пожелтевшие поля газетных полос «Правды». Нет ли пометок, сделанных ленинской рукой? Но нет, пометок Владимира Ильича не обнаружили. Да их, вероятно, и не было. Ленин не станет испещрять поля чужого комплекта своими заметками.

Но пристальный глаз сотрудника все же обнаруживал то на одном, то на другом листе чуть заметные карандашные знаки. Здесь вот галочка, тут черточка, там точечка. Кто их проставил? Кто так осторожно водил тонким карандашом? Ленин? Может быть...

Триумф коммунистических идей—высокий дар Ленину от признательного человечества

Н. С. Хрущев и Морис Торез на балконе дома на улице Марн-Роз, где жил В. И. Ленин.

Фото В. Лебедева.

ПЕСНЯ ШАНХАЙСКИХ РАБОЧИХ

Год назад в Шанхае вышла необычная книжка. Писали ее сотни, а может быть, и тысячи авторов. Это песни простых шанхайцев. Их сложили рабочие, когда боролись со своими угнетателями — капиталистами и иностранными поработителями. Их сложили крестьяне, свергшие своих злейших врагов — помещиков. Их сложили бойцы Народно-освободительной армии во время походов, битв или в короткие перерывы между боями. Народ, разрывая кандалы, пел свои только что родившиеся песни. В них много гнева, горечи и ненависти к врагам. Многие из народных поэтов погибли, даже не оставив имени, а их песни донесли другие.

Но вот победила революция, народ приступил к строительству социализма. Зазвучали новые песни свободного Китая. Слова шли от самого сердца, они говорили о счастье труда, о любви к коммунистической партии, о родине. Песни несложные, их многообразные сюжеты подсказывала жизнь. Да и как не петь, если люди своим трудом «раздвигают горы и создают моря», если советские люди запустили в небо спутники, если в деревню пришли тракторы и в доме крестьянина тепло и сытно, если в стране растут огромные заводы и фабрики, а рабочие живут в светлых домах, и если радует даже то, что теперь мальчишка, распродав газету «Женьминь жибао», идет учиться в школу, тогда как раньше такие мальчишки не имели дома и, пробегав весь день с газетами по улицам Шанхая, ложились спать на мостовой!

Об этом и многом другом рассказывает «Сборник шанхайских народных песен». Он подготовлен отделом пропаганды шанхайского горкома КПК с предисловием члена Политбюро ЦК КПК Кэ Цин-ши.

Есть в книжке одна особенная песня, записанная со слов работницы Ши Сяо-мэй. Сложили эту песню в 1924 году шанхайские рабочие, и говорится в ней о Владимире Ильиче Ленине.

Мне захотелось перевести песню на русский язык, что я и сделал. Вот ее перевод.

Ю. ГАРУШЯНЦ

ЛЕНИН РОДНОЙ

Ночь. На востоке
луна заблистала.
Ленин родной,
Революции стал ты вождем.
Как ненавистен мир капитала!
Как революцию ждем!
Знайте, рабочие,
время настало —
В битве весь мир обретем,
Мир обретем!
Выше луна
Поднимается в небо, сверкая,
Ленин в России
Республику создал труда.
Много династий бесследно ушло,
Но такая
Власть не рождалась нигде, никогда!
Царство крестьян и рабочих,
Сердца привлекая,
Властно зовет
Уничтожить весь гнет
Без следа!
С середины неба
Светит луна величаво.
Брат, рабочий России.
Плечи расправил ты!
На труд ты имеешь право,
На отдых имеешь право,
Избавлен от нищеты.
Шагая дорогой Ленина
К счастью и равенству прямо,
Брат, рабочий России,
Достиг ты своей мечты!
Залито небо
Луны сияньем лучистым.
Ленина мысли к победе
Рабочих всех стран повели.
Мы с Коминтерном очистим
От гнета все страны земли.
Дрожите, капиталисты,
Помещики и короли!
Широкое небо Китая
Рассветом объято.
Коль лучшего хочешь,
Запомни свято:
Ленина знамя
Горит впереди,
За Лениным с нами
Твердо иди!

1924 год.

ЭТО БЫЛО В ЛОНЖЮМО...

Впервые я увидел В. И. Ленина в 1906 году, когда приехал в Петербург из Донбасса. Первая встреча с Ильичем — это было на заседании Петербургского комитета с членами ЦК — произвела на меня неизгладимое впечатление. А вскоре мне уже довелось не только видеть, но и слышать Ленина: он выступал на массовом предвыборном собрании в Государственную думу. Председательствовал Милюков. Речи держали ораторы — кадеты и меньшевики. В конце собрания слово предоставили Карпову. Фамилия эта была никому не знакома. Но каково же было мое удивление, когда в поднявшемся на трибуну человеке я узнал Владимира Ильича. Узнали его и многие другие товарищи. То в одном, то в другом углу раздавались аплодисменты, потом бурно зааплодировал почти весь зал: Ленина хорошо знали в рабочих кругах, из уст в уста передавалось его имя.

Когда Владимир Ильич закончил свою речь, его окружили рабочие. Неизвестно откуда появились красные полотнища. С собрания уходили, распевая революционные песни...

Но особенно памятны мне встречи с Владимиром Ильичем во Франции. В начале мая 1911 года я был послан Петербургским комитетом РСДРП в ленинскую партийную школу, созданную в деревушке Лонжюмо, под Парижем. Вскоре в Париже было созвано совещание членов ЦК РСДРП, на котором выступил Ленин. На совещание Ленин пригласил и нас, рабочих, слушателей партийной школы. Были тут и лидеры меньшевиков: Мартов, Мартынов, Дан и другие. Ильич выступил тогда против меньшевиков исключительно резко. Помню, что, цитируя одну из статей Мартова, Ленин назвал ее великолепной в литературном плане, но предательской в отношении рабочего класса. Тогда Мартов покинул заседание. Затем Владимир Ильич взялся за Мартынова, статьи и взгляды которого получили такую же уничтожающую оценку. Мартынов, как и Мартов, не выдержав резкой критики Ленина и не сумев на нее ответить, тоже демонстративно ушел.

Уход двух меньшевистских лидеров не замедлил сказаться на результатах голосования. Большевистская резолюция, предложенная Лениным, была принята голосами пятью большевиков против оставшихся трех меньшевиков.

В конце мая, когда в Лонжюмо съехались все слушатели, начались занятия в партийной школе. Владимир Ильич преподавал нам политическую экономию, читал лекции по аграрному вопросу, теорию и практику социализма, Луначарский — по литературе и искусству. Самым любимым нашим лектором, конечно, был Владимир Ильич. И не только потому, что он обладал глубокими знаниями, а главным образом потому, что самые сложные вопросы излагал просто, на жизненных и доходчивых для всех нас примерах.

В Лонжюмо мы прослушали более сорока лекций Ленина. Он находил время, чтобы побывать с нами и в часы отдыха. Свободными вечерами мы иногда собирались в маленьком ресторанчике. Помнится, однажды зашел сюда к нам Владимир Ильич. Мы пили сухое вино, а Ильич заказал себе сельтерскую воду с вишневым экстрактом. По просьбе Ленина мы спели хором несколько русских песен. К нашему русскому хору присоединились и находившиеся здесь французы, а затем по предложению Владимира Ильича все вместе, но каждый на своем языке пели «Марсельезу». Объединенным хором азартно дирижировал Владимир Ильич.

Хорошо запомнились совместные прогулки, коллективное купание в Сене. Однажды Ленин предложил мне плыть через Сену вперегонки. На обратном пути я обогнал его, и, выйдя на берег, Ильич шутливо ругал меня: «Черт вас возьми, Владимир, вы меня совсем загоняли». — Владимир — была моя подпольная кличка.

В. И. Ленин заботился, чтобы пребывание во Франции слушателей партийной школы прошло с максимальной пользой для нашего общего развития. По его предложению мы побывали в Лувре, в Люксембургском музее, соборе Парижской богоматери. Экскурсоводом у нас был Луначарский. Дважды мы посетили французский парламент, слушали выступления депутатов, в частности пламенную речь Жана Жореса...

Из Лонжюмо мы вернулись в Россию, вооруженные ленинской теорией, вдохновленные Ильичем на дальнейшую борьбу против самодержавия.

И. БЕЛОСТОЦКИЙ,
член КПСС с 1904 года

В. И. Ленин на параде войск Всевобуча на Красной площади. Москва, 25 мая 1919 года.

ОДИН

А. СТАРКОВ

Иван Бабушкин, слесарь с Семянниковского завода...

Василий Шелгунов, токарь с Обуховского...

Никита Меркулов с Александровского...

Марфа Яковлева, работница карточной фабрики...

Первые рабочие-коммунисты Невской заставы, выученики, воспитанники Ленина, который вел здесь в конце прошлого века революционные, марксистские кружки. Герои пролетариата. Их были единицы, и они шли, по прекрасному ленинскому выражению, «тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки».

Ныне за Невской заставой десятки тысяч коммунистов... Армия!

Ниже рассказ об одном из рядовых этой армии: Владимир Трутнев, токарь с «Большевика», бывшего Обуховского...

...Про Трутнева я давно слышал. Вспоминается бурный натиск токарей в конце сороковых годов. Сперва это были одиночки-рыцари, вступавшие в единоборство со скоростью: Борткевич, Быков, Бушуев, Колесов, Семинский, Трутнев. А потом ошеломляющий темп, с которым они резали металл, заразил, захватил, увлек тысячи и тысячи токарей. И пошли такие скорости, что для их определения не хватало уже запаса технических терминов. Приходилось обращаться за помощью к поэзии. Так, один из способов нарезки резьбы назвали в учебниках «вихревым». Корень слова ясен, но все же мне хочется повторить его: вихрь!

В этой схватке со скоростью Трутнев держался немного особняком. Впрочем, был у него единомышленник — киевлянин Семинский. Живя в разных городах, не сговариваясь, они рассуждали схоже. Рассуждали примерно так. Скорость — это уже пойманная жар-птица. Не вырвется. Вот она у нас в кулаке. Верней, на кончике резца. Все зависит от его геометрии. И почти все токари колдуют над резцом. То так, то этак его заточат, разные фаски и луночки изобретают. Чтобы он стойким был. Чтобы выдерживал любую скорость резания. А в ней ли одной, в скорости, все счастье?

Не всегда. Вот дали вам стерженек обточить. Стальной. Тратите десять минут. Но из них на саму обточку — три. А остальные семь куда?.. Резец в державке надо закрепить? Надо. А деталь в патроне? Тоже надо. А подвести к ней резец? А отвести, когда срежет стружку? А снять деталь? Это еще хорошо, что стерженек попался, а не какие-нибудь ступенчатые валики. Тогда только знай подводи да отводи резец и замеряй. Вот что они такое, эти семь минут, это так называемое немашинное, вспомогательное время. Вспомогательное, которое при высоких скоростях становится, собственно, основным, решающим. Прикиньте. Вы молодец, вы увеличили скорость резания, то есть обороты шпинделя, в десять раз и обтачиваете теперь стержни за 0,3 минуты. Здорово? Неплохо. Но прочая-то морока — подвести, отвести, зажать, замерить — осталась нетронутой. Все те же семь минут! Так что, затратив порядком ума, употребив силы в погоне за скоростью, вы в общем-то достигли немногого. Режете металл в десять раз быстрее, а производительность и вдвое не поднялась. Свеч сгорело больше, чем стоила игра.

А бывает, что высокая скорость и вовсе оборачивается снижением производительности. Как так? А вот так. Твердосплавный резец заставляет чаще сменять детали и, значит, чаще проделывать все подсобные операции. И они съедают выигрыш во времени, добытый резцом. Растет немашинное время. Прибавляется хлопот рукам. А руки, между прочим, устают. Есть у них такой недостаток. Вот вам и прогресс! Что ж, отказаться от скоростного резания? Нет, отказаться от поклонения одному лишь резцу. Вспомнить, что существует еще и станок. Довольно-таки несовершенный токарный станок, коему старые токари обязаны своей профессиональной сутулостью. Станок, который крепко держит при себе человека, не давая ему оторваться от рукояток и маховиков...

Не знаю, интересно ли все это читателю. Но мне трудно рассказать о токаре Трутневе, не проследив той мысли, которая владеет им издавна, со времени, когда он, по собственному его выражению, был еще не токарь, а токаришка. Токаришка точил несложные, но канительные детали, те самые ступенчатые валики, упомянутые выше. А как уже сказано, их нужно не столь обтачивать, сколь то и дело измерять, чтобы не проскочить резцом заданного размера. Только разгонишься, только взовьется стружка — и уже лови момент, чтобы остановить суппорт, и вытаскивай мерительную линейку. Молоденького Трутнева это сердило, раздражало, и он укрепил на станине брусок с выдвижными пруточками разного размера. Прутки эти выдвигались навстречу резцу, как бы отмеряя ему расстояние, которое он должен пройти. Сооруженьице было примитивное, простенькое, и в нем еще не угадывался будущий «многопозиционный поворотный упор В. Н. Трутнева», описанный нынче во всех учебниках по токарному делу. Но зато в тех прутиках угадывалась уже хорошая техническая сметка юного токарька. Жаль, что мастер не оценил тогда изобретения Володи Трутнева. Мастера в обиходе называли «Сан Саныч», а за глаза «Сам Сусамыч». И это очень подходило к нему: человек он был самонадеянный.

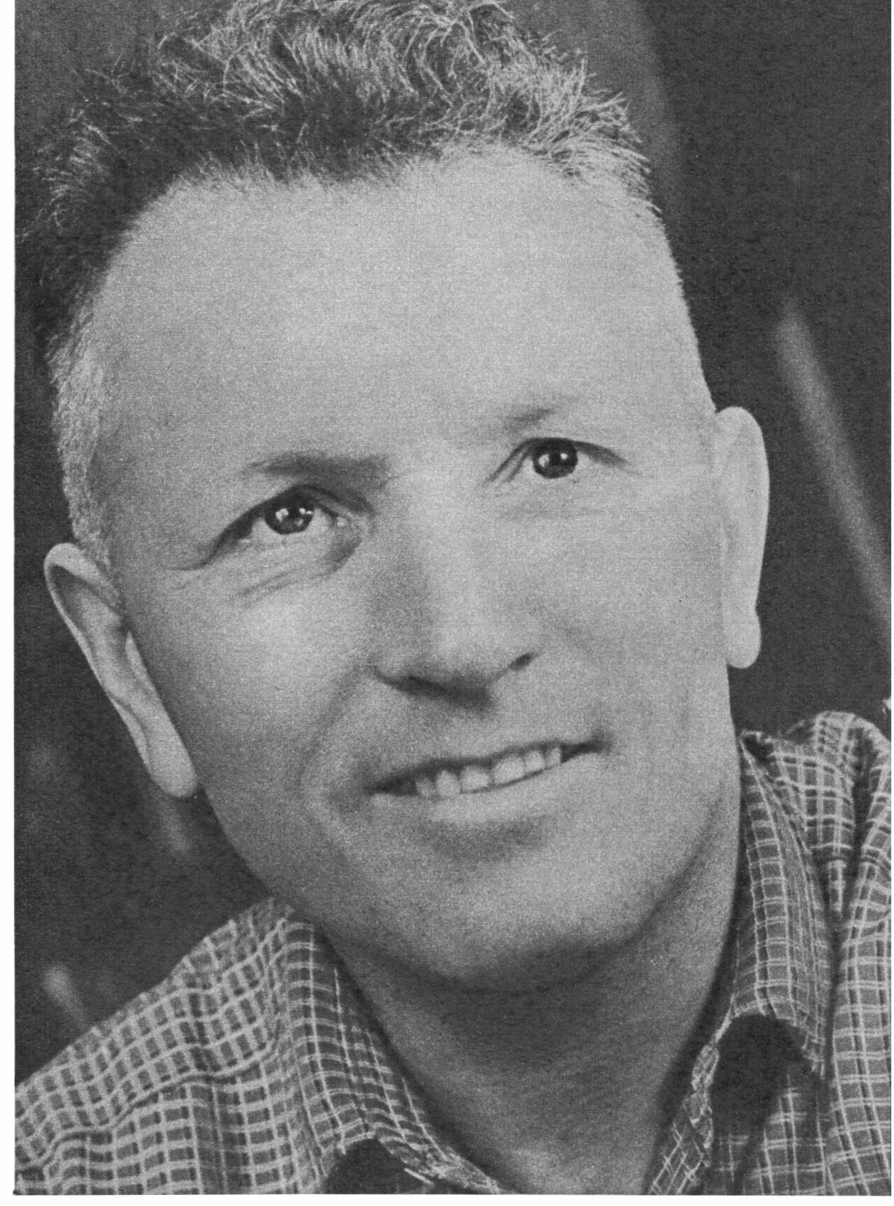
— Это еще что за пирамида Хеопса? — сказал Сам Сусамыч, любивший выказать свою образованность. — Зачем загромождать станок? Уберите!

Володя хотел было объяснить, что так проще, легче работать. Но мастер перебил:

— У нас тут не Лига Наций. Дискуссии открывать не будем.

— А штука-то все-таки стоящая, Сан Саныч! — раздался вдруг голос. И принадлежал он дяде Коле Кабанову, старому токарю, работавшему за соседним станком. Он был маленький, щупленький, и со спины многие принимали его за подростка. Но весь цех уважал дядю Колю. Даже сам Сам Сусамыч прислушивался к нему. И Володе Трутневу было приятно, что старик поддержал его. Да иначе и не могло быть. Потому что Кабанов — коммунист. А до сих пор все хорошее в Володиной жизни было связано с коммунистами.

Коммунистом был отец. Отец в его памяти — наплывами. Вот большой, сильный человек в солдатской шинели ходит по комнате, потом берет Вовку на руки, и это очень высоко, и короткие жесткие усы колются, но Вовка терпит и еще сильнее трется о них щекой, потому что усы не чьи-нибудь, а его батьки, который пришел с войны и снова уходит на войну, на другую, правильную, за народ. Вместе с матерью они провожают отца, и это навсегда запомнится мальчишке еще и оттого, что он в первый раз увидел Волгу, до которой по прямой совсем близко, а попасть к ней трудно: нужно спуститься со Стенькиной горы и всю ее обогнуть, и тогда только откроется река, широкая, солнечная, в зеленых холмистых берегах. У берега, под самой горой, волна

Владимир Никитич Трутнев. Фото А. Новикова.

ИЗ АРМИИ

раскачивает лодку, и в лодке люди в таких же шинелях, как у отца, но с ружьями за спиной, а у него наган на поясе, как и полагается командиру. Он отдает команду, лодка выплывает на середину реки, и ее долго видно, видно отца, сидящего на корме, он почему-то не оборачивается, но вот обернулся, коротко взмахнул рукой, и в это время лодка ушла за поворот.

И еще один наплыв-воспоминание про отца, воспоминание, в котором он уже отсутствует. Каждый раз в день Октябрьской годовщины мать выходит с Вовкой на крыльцо дома, и они слышат, как на соседней улице заиграла музыка, там веселятся, поют, там началась праздничная демонстрация, и она пройдет мимо их дома. Уже показался оркестр, показались знамена, но вот они поравнялись с крыльцом — и сразу смолкли трубы и тут же снова зазвучали, рождая печальную мелодию, знаменосцы преклонили древки, и демонстранты замедлили шаг. Это чтят память Вовкиного отца, красного командира, коммуниста, сложившего голову в бою под Царицыном.

В селе было пять коммунистов, все друзья отца. Они звались ячейкой, партийной ячейкой. И случилось, что Володька Трутнев был в курсе всех ее дел и забот. Мать умерла, и его взял к себе дядя, кузнец Свиридов, один из пяти партийцев. А когда мальчишка подрос, привел его в кузню, подручным. Юнец был крепенький, и Свиридов разрешал ему бить кувалдой. Конечно, она была тяжеловата, и приходилось брать ее обеими руками под самую железяку; так было легче, но неудобно: длинная рукоятка упиралась в живот — широкого замаха не сделаешь. Но парень приспособился, вытягивал левую руку на прямую, и тогда рукоятка оказывалась сбоку и можно было бить на полный замах... Так вот в этой кузне собиралась партячейка. Коммунисты могли сходиться и в сельсовете и в избе-читальне, но предпочитали почему-то кузницу и даже повесили тут портрет Ленина, поставили маленький столик, и за ним секретарь писал протоколы. Между прочим, в одном из протоколов говорилось и про Володьку, верней, про молоток с короткой рукояткой, который необходимо приобрести для подручного кузнеца... И подручный, при котором коммунисты говорили в кузне о своих делах, видел, что им до всего есть дело.

Вот и старик Кабанов вмешался, хотя его лично эти трутневские пруточки не касались: он был токарь высшей квалификации и такие валики не обрабатывал. Но он не только осадил Сам Сусамыча, а еще и Трутнева потом пропесочил:

— Тюфяк ты, лист осиновый... Чего притих? Да ты ж отличную вещь придумал! На верную дорогу вышел, не сворачивай!..

По удивительному совпадению, такие же, ну почти такие же слова о дороге Трутнев услышал много лет спустя, на другой день после окончания XX съезда КПСС, делегатом которого Владимир Никитич был от ленинградской партийной организации.

В дни съезда одно из министерств развернуло выставку технических достижений. Стояли там и два токарных станка с приспособлениями и инструментом конструкции Трутнева. Почти все свободное между заседаниями время он проводил возле этих станков. Давал объяснения делегатам. Включал станок, обтачивал детали. Участвовал в работе съезда без отрыва, можно сказать, от производства... Приехал на выставку и Никита Сергеевич Хрущев. Он шел с группой товарищей от экспоната к экспонату, выслушивая объяснения министра. Вот подошли к станку Трутнева. Министр представил токаря Никите Сергеевичу как делегата съезда. Станок был уже «под парами». Между патроном и задним центром зажат валик. Трутнев собирался показать скоростную нарезку резьбы и как можно при ней автоматически отводить резец. У токарей-скоростников это очень неприятный момент — успеть вовремя отвести резец от детали. Чуть прозевал — и он срежет буртик, отделяющий резьбу от гладкой поверхности. И тогда вся твоя скорость летит к черту... Напряжены глаза. Напряжены руки, вцепившиеся в маховик суппорта. А у Трутнева они свободны. Они включили обороты, включили подачу и могут отдыхать. Резец «сам» отойдет в исходную позицию, подчиняясь пружинному механизму. Так и есть. Пожалуйста! Деталь готова. Трутнев хочет показать ее Никите Сергеевичу. Крутнул маховик задней бабки — и валик с резьбой тотчас соскользнул на ладонь токаря.

— Что у вас за патрон? — спросил Никита Сергеевич.

Трутнев ждал, что его спросят об этом. Человек, разбирающийся в токарном деле, не может не задать такого вопроса, увидев, как деталь самостийно выскользнула из патрона. Ведь ее крепко-накрепко держат кулачки. И нужен специальный ключ, чтобы с немалым усилием разжать их. А у Трутнева нет ключа. Кулачки подчинились невидимой силе.

— Патрон этот самозажимной,— сказал Трутнев.

— Гидравлика работает или пневматика?

— Нет, он механический, на принципе «плавающего стакана»...

— Понятно, — сказал Никита Сергеевич. — Это — большое облегчение токарям.

Потом перешли к другому станку. Кто-то из гостей слишком приблизился к нему.

— Осторожней, — сказал Никита Сергеевич. — Здесь не конфеты делают. Может и поцарапать...

Трутнев показал еще несколько своих приспособлений, облегчающих управление станком.

— Спасибо, — сказал Никита Сергеевич. — Вы стоите на верном пути, держитесь его. Желаю вам дальнейших успехов в этом же направлении...

Разве не то же самое говорил юному токарьку и дядя Коля Кабанов, старый токарь-коммунист?

Встретился я с Трутневым недавно, хотя слышал и знал о нем давно. Читал про него в книжках, читал и собственную его книгу «В борьбе за механизацию токарной обработки». Заголовок скучный, а написана живо. Среди прочих фактов я узнал из нее, что Трутнев участвовал в боях на Халхин-Голе в качестве токаря. И тут нет никакой натяжки или переносного смысла. Сражался именно как токарь, не стрелял. А в него стреляли. Походная мастерская — токарный станочек с мотором, верстак с тисками — умещалась в бронированном фургоне, который двигался вместе с танками. Прямо в бою, под огнем, — так было на Баин-Цагане, у озера Буир-Нур — ремонтировали подбитые машины... В дни сражений на Халхин-Голе комсомолец Трутнев стал коммунистом.

Последнее время мне что-то не попадалось в газетах имя Трутнева, а прежде писали о нем часто и много. И вот недавно, раскрыв свежий номер «Правды», я увидел на первой странице большой портрет Владимира Никитича под рубрикой «Передовики семилетки». Приятно узнать, что человек не только в строю, но и по-прежнему на линии первых. Захотелось превратить наконец свое заочное знакомство с Трутневым в очное, благо я находился в Ленинграде. Позвонил на завод «Большевик» в механический цех.

— А Владимир Никитич, — ответили из цеха, — давно уже не у нас. Он в экспериментальном.

Позвонил в экспериментальный. Кто-то из обстоятельных объяснил:

— Трутнев откомандирован временно в инструменталку. Испытывает новый тип гидросуппорта собственной конструкции.

И слышу наконец:

— Трутнев у телефона.

Говорю, что хочу повидаться.

— Пожалуйста, но сегодня не могу. Вечером в техникуме.

В техникуме? Но ему же должно быть за сорок.

— Владимир Никитич, а сколько вам лет?

— Сорок шесть. Удивляетесь, что хожу в школярах? Обстоятельства заставили. Все гидросуппорт мой!

Получалось что-то вроде интервью по телефону.

— Вот что, — сказал Трутнев, — если хотите, давайте повидаемся завтра, в воскресенье. Утром я над дипломом посижу, а в два часа буду в Доме техники. Знаете, на Невском который. Семинский приехал с лекцией, кое-что новенькое привез. Приходите. Послушаем сперва Виталия Куприяныча, а потом побеседуем.

На лекцию я опоздал. Первая ее часть кончилась, и Семинский перешел со слушателями из лекционного зала в лабораторию резания, где стоят станки. Киевлянин должен был показать «кое-что новенькое». А привез он с собой из Киева семь ящиков — чуть не с полтонны. Позавчера, разгружая с машины свое имущество, он неловко как-то повернулся, и один из ящиков упал ему на руку. Думал, что просто зашиб, но боль не утихала, пошел на рентген: перелом запястья. Теперь вот правая рука в подвешенном состоянии, в шинах, на бинте, и работать Семинский у станка не может. Узнав об этом, Трутнев и приехал в Дом техники, чтобы помочь другу. Правда, они в некотором смысле и соперники, «конкуренты», что ли. Их технические поиски идут в одном направлении. Есть у Трутнева приспособление для автоматического отвода резца, есть такое и у Семинского. Есть у киевлянина самозажимной патрон, имеется он, как мы уже знаем, и у ленинградца. Конструкции, понятно, разные, и каждый считает, что его лучше... Но сегодня Трутнев — Семинский. Сегодня, подойдя к станку, он демонстрирует конструкции Семинского и старается показать их преимущества с не меньшим энтузиазмом, чем это сделал бы и сам киевлянин, человек очень темпераментный. Я наблюдаю за стоящим в сторонке Виталием Куприяничем, за его подвижным лицом, на котором немедленно отражаются все чувства, и вижу, что он доволен.

— Володя, — говорит Семинский, — а ты показал бы свой гидросуппорт.

В третий раз слышу я сегодня это слово. Ну что такое суппорт, все знают. «Руки» токарного станка, которые заступили место человеческих, державших когда-то резец. Заступить-то заступили, но в то же время и крепко вцепились в них и обойтись без оных, без рук токаря, никак не могут. Суппорт движется с резцом и в этом своем движении весьма ограничен. Как только перед ним фасонная деталь — ступенчатой, скажем, или конусной, или сферической формы,— он пасует и ждет вмешательства человека. И тут уж непрерывно крути туда-сюда маховик, нажимай рукоятки, меряй деталь. Как придать суппорту полную самостоятельность? Над этим давно бьются. Призвали на помощь гидравлику. И появился гидрокопировальный суппорт-автомат, который под давлением жидкости и направляемый копиром, этим металлическим указующим перстом, может вести резец по любому извилистому пути. На таком принципе создано уже не-

сколько типов гидросуппорта, в том числе конструкция Трутнева, точней, четыре конструкции, четыре варианта. Вот последний из них и проходит испытания, о которых мне сказали сегодня по телефону.

Испытания поручены бригаде коммунистического труда. Главным испытателем токарь Валечка Каширина, которая на двадцать семь лет моложе конструктора, а учится с ним на одном курсе техникума, на последнем. В техникум Трутнев пошел в тот год, когда начал работать над первым вариантом гидросуппорта. Пошел, чтобы легче было преодолевать технические препятствия при конструировании. Но, кроме технических, были и такие, которые в общем-то могли бы и не быть. Да вот не перевелись еще Сам Сусамычи, вроде того мастера, помните? Правда, на рожон они нынче не лезут, а в ногах путаются. Повстречался и Трутневу опять такой руководящий Сам Сусамыч. С чем к нему ни обратишься,— «приму меры», говорит. И на лице будто величайшая заинтересованность. А душа остается холодной, душа мер не принимает. Сколько из-за таких лишней пустой породы приходится разгребать на пути к новому! Трутнев не раз говорил об этом на пленумах обкома партии, членом которого его дважды выбирали, говорил на партийных конференциях, активах. А недавно ему пришлось обратиться к одному из заместителей Председателя Совета Министров СССР. Владимир Никитич был тут же принят в Кремле, выслушан. Зампред позвонил при Трутневе в научно-исследовательский институт, и там сразу же нашлось не находившееся прежде время, чтобы проконсультировать токаря...

Вечером в воскресенье я заехал к Трутневу домой и застал у него в гостях Семинского. Киевлянин явился, можно сказать, с ответным визитом. Прошлым летом Владимир Никитич ездил в отпуск с женой к ней на родину, а родилась она в Киеве. Шли както по Крещатику — навстречу Куприяныч, затащил к себе, несколько дней не выпускал из своего домика в Святошине — живописном киевском пригороде. А потом уговорил Трутнева съездить разок «на один заводик». Перед отъездом из Ленинграда Владимир Никитич поклялся жене, что ни на какие заводы и носа не сунет. И в самом деле, он стоически отбивался от Семинского, который тащил его на заводы «поделиться опытом». «Чего же я покажу, я ничего с собой не захватил...» «Не верю, убей, не верю! — наседал киевлянин.— А ну-ка, раскрой чемодан!» Попробуй раскрой его, если в том чемодане лежит несколько чертежей да и кое-что из резачков и оправок может обнаружиться. Трутнев уложил их тайком от жены... Словом, уговорил его Семинский побывать «на одном заводике». «Тонечка, землячка, люба моя чернобровая,— умасливал Виталий Куприяныч жену Трутнева.— Только на одном! Даю честное слово. Да неужли ж вы мне, старому человеку, не верите?» Она не верила и имела на то основания, зная характер мужа и догадываясь о характере Семинского. Им бы только вырваться. А вырвались — и были таковы! Объехали за неделю с пяток киевских заводов...

Вот и сейчас гостеприимная хозяйка давно уже накрыла обеденный стол, но никак не может оторвать мужа и гостя от стола письменного, заваленного чертежами, эскизами.

Я застал их за довольно бурным разговором. Речь шла о тех же поездках по заводам, о передаче опыта новаторов, о внедрении. И тот и другой немало поколесили по стране, развозя свой опыт в чемоданах и ящиках. Вот маршруты Трутнева: Красноярск, Свердловск, Кемерово, Новосибирск, Ижевск, Воткинск, Юрга, Сталинград, Москва, Подольск, Винница, Таллин, Рига... А уж, попадая куда, сколько колесишь внутри города! У Трутнева ящики с приспособлениями и инструментом даже на ролики поставлены, чтобы удобней было таскать за собой. География поездок Семинского еще обширней. Но нужна ли эта езда? Нужно ли так много ездить? Трутнев, когда-то страстный сторонник такого способа передачи опыта, начал в нем разочаровываться и теперь настроен скептически. А Виталий Куприяныч по-прежнему энтузиаст.

— Пока весь опыт новаторов не будет концентрироваться где-то в одном месте, покуда не научатся организованно распространять этот опыт, нам нужно самим ездить, самим быть его пропагандистами, неужели тебе это не понятно? — выпаливает единым духом Семинский и вдруг морщится от страшной боли: в порыве, в запале он двинул сломанной правой рукой, которая и пострадала у него на поприще «передвижного» распространения опыта.

— Вот так, значит, и будем таскаться со своими ящиками. Приехал, раскрыл чемоданишко, как тот коробейник, подразнил людей каким-нибудь хитрым резцом, потом упрятал его обратно и помахал ручкой: до свиданьица, мол...— возражает Трутнев, несколько, конечно, утрируя в полемическом задоре.

— И что же ты предлагаешь? — спрашивает Семинский.

А Трутнев ему вопросом на вопрос:

— Ты о нашем совете новаторов слыхал?

— Слышал, но еще не разобрался толком, чтó это такое.

Я тоже только слышал об этом ленинградском новшестве и разделяю интерес Семинского.

Совет новаторов образовался при совнархозе. Инициатор — неугомонный Владимир Якумович Карасев, токарь с Кировского завода, Герой Социалистического Труда, кандидат в члены ЦК КПСС. Он председателем в совете. Вокруг Карасева плотное кольцо людей, которых захватила, увлекла его идея. А идея такая. Хватит тыкаться одиночками и порой изобретать велосипед. Хватит бродить по заводам каликами перехожими. Родилось что-то толковое — внедрить. Вот главное — внедрить! Пусть даже появится такая профессия — внедритель. Есть уже первые ее представители — штатные инструкторы по внедрению, которых совнархоз прикрепил к секциям совета новаторов. Пока таких секций четыре: токари, фрезеровщики, расточники, слесари. В секции токарей председателем Трутнев. Он теперь вроде старосты ленинградского токарного цеха. В этом цехе, в этой секции родилась своеобразная форма распространения опыта новаторов, внедрения его. Рекомендация!

Трутнев показывает нам листок-бюллетень, выпускаемый совнархозом. В этой маленькой газетке, названной «Семь в пять!», напечатан замечательный документ. Я хочу привести его. Пусть он сугубо, казалось бы, технический, но исполнен, по-моему, большой политической силы. Вот он:

«Рекомендация секции токарей совета новаторов Ленсовнархоза

Главному инженеру Металлического завода П. С. Чернышеву.

Вал ротора воздуходувной машины «4000» длиной 5500 мм на Невском машиностроительном заводе имени Ленина обрабатывается на токарно-винторезном станке «Эрликон»...

Один конец вала крепится в специальном патроне, а на другой запрессовывается шарикоподшипник. Такое крепление и использование индикаторных упоров позволяет вести механическую обработку по II классу точности, на более высоких режимах резания...

На обработку вала после термообработки на Невском заводе затрачивается всего 50 часов.

На обработку аналогичных валов ротора паровой турбины (чертеж № А-II 42403) у вас на заводе затрачивается 164 часа.

Предлагаемая скоростная обработка экономит 114 часов на один вал.

В. Н. Трутнев, председатель секции токарей

А. Г. Павлов, токарь-инструктор».

Разве это не документ Его величества рабочего класса, хозяина страны?

— Получил нашу рекомендацию главный инженер Чернышев и сразу же послал бригаду токарей на Невский завод. И с той бригадой поехал Толя Павлов, наш токарь-инструктор. Отправились товарищи с Металлического, улыбаясь,— что-то, мол, не то,— а вернулись грустноватые. То! Отстают... Готовим мы рекомендацию и главному инженеру «Электросилы». У них глубокие отверстия сверлят на токарном станке за 20 часов. А на другом заводе делают это в 96 раз быстрее. В 96 раз, представляете?! В одном городе два завода, а живут будто в разных веках.

— Хорошее вы дело затеяли, Володя,— говорит Семинский.— Только бы в песок не ушло.

— Не уйдет!

...А хозяйка заждалась. Остыли галушки, остывают блины. Зовет, зовет, а всё не садятся мужчины. И тогда она, возмущенная, переходит на гневную украинскую мову:

— Та нэма у вас хиба иншого часу о дили балакать? Сидайтэ!

И это уже приказ, которому нельзя не подчиниться.

Песнь о Ленине

Рауль Гонсалес Туньон

Аргентина

Нет на земле реальней человека,
чем ты, провидец радостных судеб.
Твое ученье, словно свет, прозрачно
и всем необходимо, словно хлеб.

Ты — уголь и вода, алмаз и роза,
рассвет планеты и сиянье дня.
Ты — разрастающийся корень жизни,
источник негасимого огня.

В живительном труде неугомонный,
настойчивый в невиданной борьбе,
ты никогда не изменял народу,
как никогда не изменял себе.

Всегда твоя большая жизнь пред нами,
как ясная звезда в вечерней мгле.
И даже смерть твоя бессмертьем стала,
живую жизнь рождая на земле.

В тебе сегодня видит мир спасенье
и видит гибель для себя война.
Твоя любовь безмерная к народу
ответным чувством навсегда сильна.

И ты для нас не памятник былого,
а вдохновитель вечный и живой,
бессменный часовой, наставник мудрый,
Владимир Ленин, брат великий мой.

Цветут знамена счастья и победы.
Борцы не знают отдыха в борьбе.
И каждый день с необоримой силой
рождает в людях память о тебе.

Перевел с испанского
Вас. ЖУРАВЛЕВ.

В. А. Серов. ВЕСТИ ИЗ ДЕРЕВНИ.

Д. А. Налбандян. В. И. ЛЕНИН В ГОРКАХ

Н. А. Сысоев. В. И. ЛЕНИН НА СУББОТНИКЕ.

Ленин и теперь живее всех живых!

БЕСЦЕННЫЕ ФОТОДОКУМЕНТЫ

В 1924 году XIII съезд партии постановил собрать в Институте В. И. Ленина (ныне Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) все материалы, относящиеся к жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина. «Съезд считает необходимым,— говорится в резолюции,— чтобы все рукописи, письма, записки В. И. Ленина, оригиналы его фотографий и другие материалы, где бы таковые ни находились, были сосредоточены в Институте В. И. Ленина».

Десятки негативов передали в институт фотографы-художники, репортеры и фотолюбители, фотографировавшие Владимира Ильича. В институте хранится более четырехсот уникальных фотографий Ленина и несколько сот фотографий семьи Ульяновых. В этих документах, донесших до наших дней живой облик Владимира Ильича, отражен почти весь его жизненный путь.

Наибольшее количество фотографий относится к первым годам Советской власти. В фонде собраны негативы ряда прекрасных портретов Владимира Ильича.

Чтобы сохранить на века эти уникальные фотографии, в институте была проделана большая работа.

Фотодокументы оказались весьма разнохарактерными по техническому состоянию. Находившиеся до поступления в институт не всегда в благоприятных условиях, негативы и позитивы имели различные повреждения. Одни загрязнены, поцарапаны или потерты, на других вследствие плохой промывки при лабораторной обработке выступили кристаллы фиксажа, а отдельные негативы были разбиты на несколько частей.

В лаборатории института выполнили очень сложную и кропотливую работу по реставрации фотодокументов. Негативы и хранящиеся на правах оригинала позитивы очищались от загрязнений. С негативов удалялась нанесенная фотографами ретушь, они проходили дополнительное фиксирование и тщательную промывку. Разбитые негативы собирались и наклеивались специальным совершенно прозрачным клеем на стекло.

Реставрированные негативы и позитивы были покрыты тонким слоем специального лака, защищающего эмульсию от повреждений. С подлинных негативов и заменяющих их позитивов в лаборатории института сделали дубль-негативы на негорючей пленке.

Фонд копий, изготовленных на негорючем и небьющемся материале, позволяет широко использовать ценнейшие ленинские фотодокументы, не прибегая к подлинным негативам, которые лежат в специальном хранилище, где круглый год поддерживается постоянная температура и влажность воздуха.

В институте делают все возможное, чтобы навеки сохранить негативы, на которых запечатлен дорогой каждому советскому человеку образ великого Ленина.

А. ПЕТРОВ,
заведующий секцией кинофотодокументов Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

В. И. Ленин с делегатами II конгресса Коминтерна на площади Жертв Революции в Петрограде 19 июля 1920 года. Эта редкая фотография (позитив) хранится в институте. Негатив еще не найден.

ЛЕНИНСКИЙ ГОЛОС

В первые годы Советской власти по инициативе В. И. Ленина решили широко использовать граммофонные пластинки для политической пропаганды. Организацию этого дела поручили Центропечати ВЦИК, где мне довелось работать ответственным секретарем.

Для записи речей руководителей партии и правительства был создан специальный отдел «Советская пластинка».

Голос Владимира Ильича путем большой, напряженной работы нам удалось не только «запечатлеть», но и сохранить. Мне думается, что это имело большое значение для правильного отображения образа Ленина на сцене и в кино.

Речи Владимира Ильича были записаны только на пластинках, так как в ту пору никаких других механических записей еще не существовало. Звукозаписывающий аппарат (фонограф) представлял собой довольно громоздкое и примитивное сооружение на деревянной подставке, с длинным рупором. Трудности самой записи заключались в том, что надо было уложиться ровно в три минуты. Ораторы не всегда укладывались в такой отрезок времени, а иногда, наоборот, выступления оказывались слишком короткими.

Когда записывали В. И. Ленина, все, конечно, очень волновались. Владимир Ильич сам тоже волновался и не хотел, чтобы на пластинках пропадал хотя бы один виток. Несмотря на свою занятость, Ленин заранее рассчитывал время своих выступлений и укладывался ровно в три минуты.

Но запись одной речи В. И. Ленина — «Сообщение о переговорах по радио с Бела Кун» — пришлось повторить. Вместо слов «о переговорах по радио с Бела Кун» Ленин произнес «с радиокуном» и сейчас же сам рассмеялся.

С трогательным любопытством прослушивал Владимир Ильич первые пластинки со своим собственным голосом и все допытывался, похож ли...

Речи Ленина на пластинках производили сильнейшее впечатление. За пластинками с «Голосом Ильича» в Центропечать со всех концов страны прибывали ходоки.

Ленин требовал от работников Центропечати, чтобы продолжали записывать не только его речи, но и других советских руководителей. Но это нам не всегда удавалось. Например, долго не соглашался записаться Феликс Эдмундович Дзержинский, ссылаясь на то, что он плохой оратор.

Когда Владимир Ильич узнал, что Дзержинский до сих пор не записан на пластинку, он предложил сейчас же вызвать его к телефону и сказать ему от имени Ленина, что если Феликс Эдмундович не запишется, то будет «арестован»...

Шутка Владимира Ильича была дословно передана председателю ВЧК по телефону. Феликс Эдмундович добродушно ответил, что хоть он и не оратор, но так как ему угрожает «арест», то придется записываться.

И тут же, уже серьезно, просил передать об этом Владимиру Ильичу, успокоить его и сказать, что выполнит указание Ленина.

Последняя запись речи В. И. Ленина по техническим причинам была организована не в Кремле, а в самой Центропечати.

Владимир Ильич был в очень хорошем настроении, сфотографировался с нами, много шутил и смеялся.

— В ваших руках все книжное богатство страны и вся периодическая печать,— говорил он.— В Америке вас считали бы книжными и газетными королями.

Б. ГОЛЬЦЕВ

25 апреля 1921 года. В. И. Ленин с сотрудниками Центропечати, работавшими над записью речей для грампластинок. Во втором ряду справа от Ленина (в кожаной тужурке) Б. В. Гольцев.

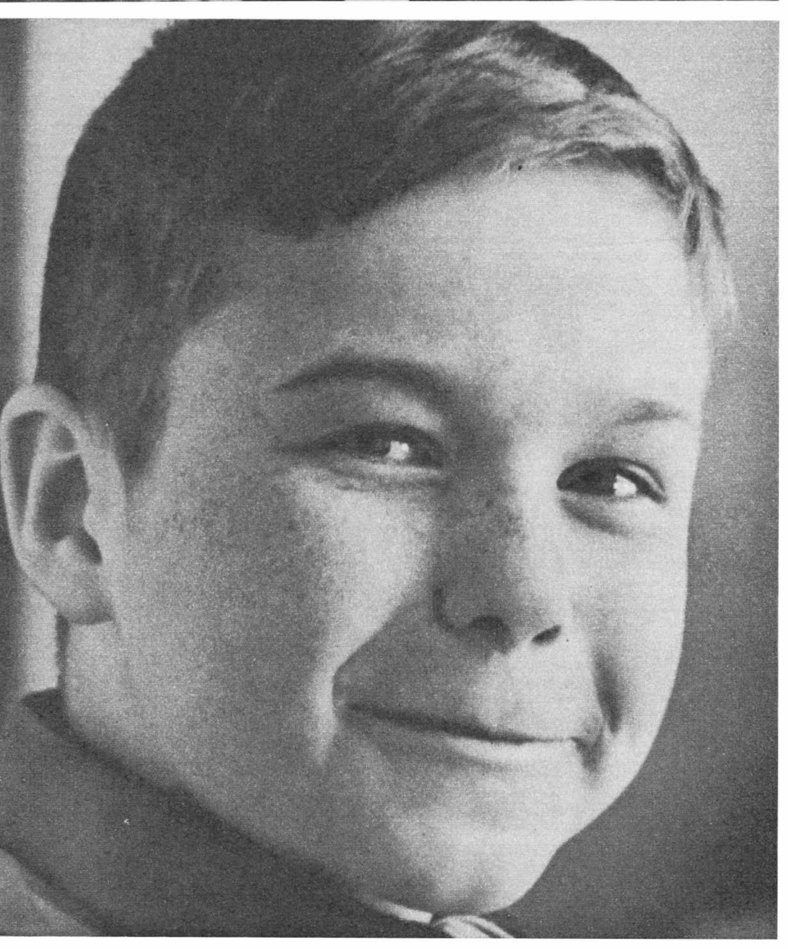

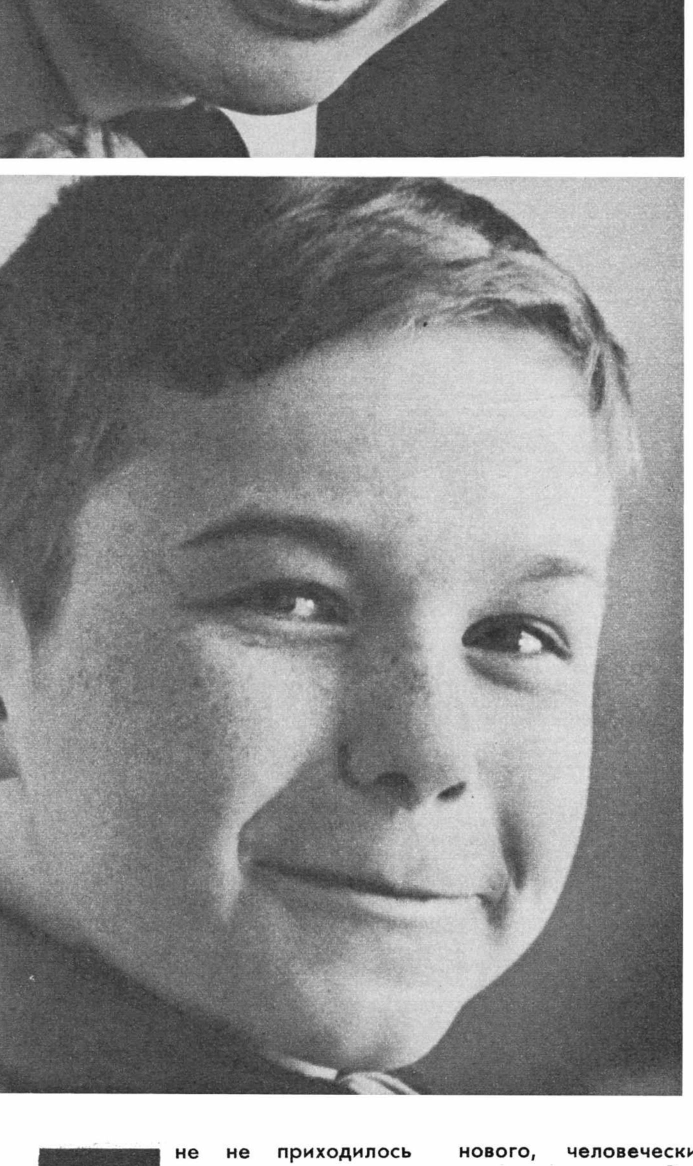

Лида Пугаева.

Миша Аввакумов.

Р. ЗЕРНОВА

Фото Я. Рюмкина.

Мне не приходилось видеть этот город весной, когда по склону косогора над Волгой зацветают розоватые яблоневые сады. И яблок, знаменитых симбирских яблок, лучших на свете, я тоже не пробовала: не довелось. Я видела Ульяновск только зимой, заснеженный, завьюженный, пронизанный колючим, нестихающим ветром.

Ветер дует с Волги, от Венца. Весной он, наверное, несет с собой яблоневые лепестки и запахи нового, человеческими руками созданного моря. Зимой же он подгоняет метели, крутит поземку. Тут, на Венце, среди просторных белых снегов стоит памятник Ленину. Ветер раздувает полы его пальто, метель вьется вокруг непокрытой головы.

Про этот памятник ученик 5-го класса «Б» ульяновской школы № 1, школы имени Ленина, Володя Ащеулов написал:

«Он глядит вдаль зоркими, синими глазами».

— А почему синими? — спросили его.

— А как же? — удивился Володя.— У Ленина глаза синие. Что я, не знаю, что ли?

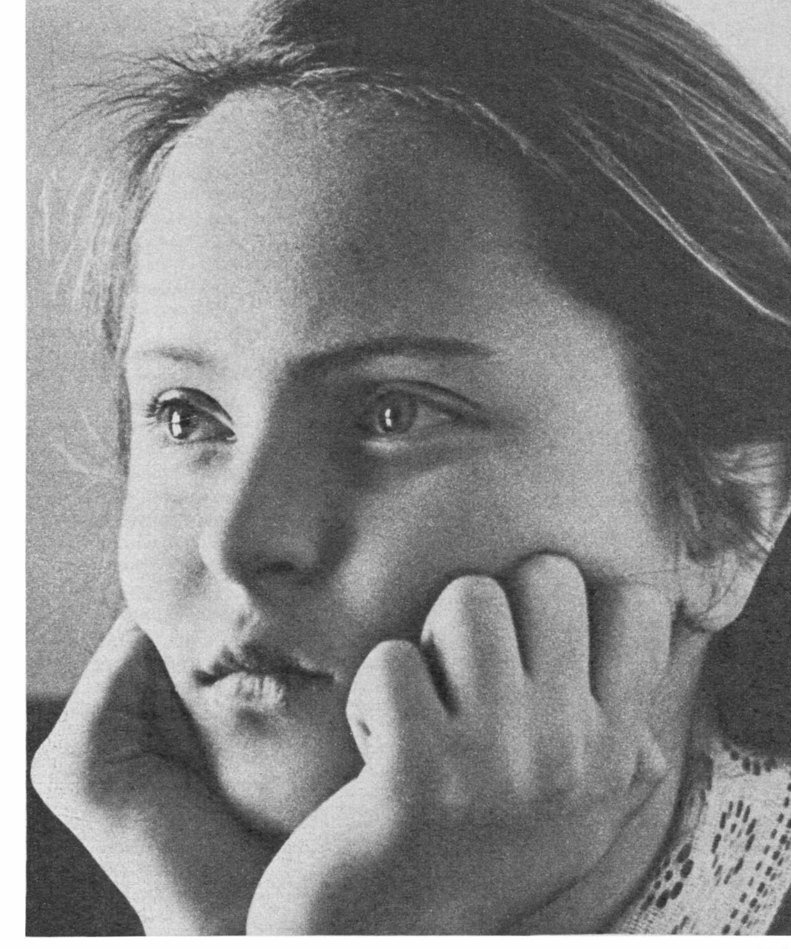
5-й «Б» писал классное сочинение на вольные темы. Писали о домике-музее Ленина, писали о классе-музее, писали и о памятнике. А несколько человек описали воображаемую встречу с Владимиром Ильичем: для этого коекому пришлось вообразить себя шестидесятилетним, другие писали просто без всякого учета времени, словно встреча произошла вчера где-нибудь на улице Гончарова. Но когда я увидела эти сочинения, я поняла, почему Володя Ащеулов с такой отчетливостью разглядел синие глаза Ленина. Все они видят Владимира Ильича с совершенной, несомненной ясностью и поэтому описывают необыкновенно конкретно.

«...Навстречу быстрой походкой приближался среднего роста человек с рыжеватой бородкой, с голубыми острыми глазами. В черном костюме и черных ботинках. Я обомлел при виде этого человека»,— пишет Юра Головихин.

«...За письменным столом сидел человек низкого роста, с большим открытым лбом, с остренькой бородкой и проницательным взглядом» (Олег Дугарев).

ляки

Наташа Маслова.

Нина Мушкарина.

Ученики школы № 1 — «космонавты». Слева направо: Вова Лебедиков, Юра Головихин, Оля Борисова, Вова Паркин, Сережа Кузьмин.

«...Но вот на трибуну вышел Ленин, был он в черном костюме, невысокого роста. Глаза зоркие, пронзительные и голубые»,— «вспоминает» Володя Лебедиков, тот самый, который вообразил себя шестидесятилетним.

Рост, цвет глаз, костюм, ботинки — они знают все не только по книгам, портретам и фильмам,— это собственное, совершенно четкое вúдение.

...Школа имени Ленина — это бывшая Симбирская гимназия, которую окончил Володя Ульянов. В этом году она будет праздновать свое стопятидесятилетие. Ее берегут, ее охраняют: не надстраивают, не перестраивают. Она осталась такая же, какая была, даже черные железные печи вмурованы в старые стены, хотя давно уже никто их не топит: тут паровое отопление. Но здесь нет торжественной музейной тишины: из классов, где сидел Володя Ульянов, где висят мемориальные доски, доносятся голоса учителей.

Только один класс сделался музеем. Он такой же, как другие: доска, кафедра, парты, — лишь парт меньше и на последней, у окна, табличка: «Здесь сидел Володя Ульянов, ученик седьмого класса». На стенах портреты, фотографии: выпуск 1887 года... Юношеские лица в овальных медальонах, и среди них лицо Владимира Ильича. Тут же — его похвальные листы, аттестат, характеристика. А из окна видна Волга и широкая равнина на том берегу, с детства знакомая и милая каждому, кто живет в этом городе. Нет, и тут как-то непохоже на музей: воздух другой. Шестиклассница Наташа Маслова пишет: «Когда входишь в этот класс, то кажется, что вслед за тобой вбежит Володя Ульянов. И в эту минуту каждый из нас старается быть хоть чуточку на него похожим». Она много раз была здесь, она может сама показать вам все, как заправский экскурсовод, но, входя сюда, Наташа действительно каждый раз волнуется, потому что эта классная комната будит ее чувство.

Нужно ли говорить о том, какая почтенная, нужная, необходимая вещь — музеи, как велика, незаменима их роль в расширении знаний, в эстетическом развитии! Но ленинские музеи Ульяновска, кроме всего этого, обращаются к чувствам, они воспитывают их, согревают сердце, и раздумье,

Мемориальная доска на Доме-музее В. И. Ленина.

В комнате В. И. Ленина.

Здесь учился Владимир Ульянов.

вызванное ими,— это нравственное раздумье. В доме на бывшей Московской улице (теперь улица Ленина), где жила семья Ульяновых, где подрастали младшие дети, где умер Илья Николаевич, это глубокое нравственное чувство говорит во весь голос — таким обаянием культурного, светлого быта интеллигентной русской семьи веет от непритязательной обстановки этого дома, таким неподдельным сердечным теплом отношений и такой высокой чистотой. Недаром же все дети этой семьи с непреложной, естественной неизбежностью ушли в революцию.

В этом доме школьников Ульяновска принимают в пионеры.

«Когда войдешь в музей, когда осмотришь все, что там есть, — пишет пятиклассник Синяков, — то хочется сделать что-нибудь хорошее».

Олег Дугарев, начитанный и памятливый, закончил свое сочинение «О встрече с Лениным» (при которой почему-то присутствовали матросы с «Потемкина») неожиданно и требовательно — заповедями, им самим сформулированными: «Говорить только правду. Никогда не скрывать плохого. Помогать отстающим. Не обижать маленьких».

«Каждый из нас должен посадить несколько деревьев,— пишет Сережа Кузьмин.— Не обижать малышей. Беречь книги».

Правда, главная забота Сережи Кузьмина — это покорение космоса. Однако ничто земное ему не чуждо. И поэтому он озабочен и красотой своего родного города и общеморальными проблемами. «Надо обязательно говорить правду,— пишет он,— хотя это бывает трудно».

Иногда сочинения о Ленине кончаются признаниями.

«Я мечтаю быть капитаном дальнего плавания»,— доверительно сообщает Вова Синяков.

Романтическая мечта! И профессия эта много лет считалась самой романтической. Кто из мальчишек в свое время не мечтал о ней? Штормы и кораблекрушения, дальние страны, чужие моря и созвездия над ними. Но товарищам Вовы Синякова в океанах уже тесно; их влекут просторы Вселенной.

«Будущая моя мечта — покорить космос, летать на далекие планеты»,— пишет Володя Паркин.

«Быть космонавтом и открывать далекие планеты и галактики...» — мечтает Володя Лебедиков.

А Юра Головихин даже в упражнениях по грамматике примеры приводит только из жизни и быта летчиков.

Нина Мушкарина мыслит конкретно, уважает цифры; недаром же ее любимый предмет — математика. Из ее сочинения вы узнаете, сколько тысяч посетителей перебывало в Доме-музее Ленина за 1959 год; узнаете, что все деревянные части дома-музея подвергнуты химической обработке, предохраняющей их от разрушения. Вопрос о своем будущем она решает деловито и просто: буду там, где всего нужнее.

«...Пройдет несколько лет, я выйду на самостоятельную дорогу. Может быть, я буду трудиться не в Ульяновске, а на Дальнем Востоке или где-нибудь на севере, а может быть, на одной из многочисленных планет Вселенной — словом, там, где буду больше всего нужна».

Границы ее мира расширились невероятно, беспредельно, но это ничуть не смущает Нину, и к Вселенной она относится по-хозяйски. На Воркуте так на Воркуте, на Сатурне так на Сатурне. Где буду нужнее! Очень просто. Почти так же просто, как то, о чем пишет Миша Аввакумов: «Мечтаю стать шофером первого класса. Я уже знаю устройство некоторых машин. У меня папа шофер».

Мишино сочинение было, пожалуй, одним из лучших—так любовно был в нем описан дом Ульяновых, так интересно пересказана история о том, как маленький Ленин взял без спросу яблочные кожурки,— история, с детства знакомая всем школьникам Ульяновска. Учительница Екатерина Ивановна сказала о нем:

— Ох, книгочий! Вот уж книгочий! Без разбору, все подряд...

Когда я увидела его озорную физиономию, его ухарски, стремительно сбитую набекрень ушанку, я грешным делом подумала: «Да нет, тут какая-то ошибка! У него и времени на чтение нет. Что-то я перепутала». Но потом Олег Дугарев читал свое сочинение, в котором были слова: «красноармейцы в шлемах».

— В буденовках! — немедленно поправил Миша.

— Какая разница? Так и так можно.

— Слово лучше. Не слышишь разве? Звонкое такое слово: «буденовка»!

И тот же Миша, расслышавший особый звон слова «буденовка», размышляет вслух:

— Мне хорошо: живу в довольстве, скоро научусь машину водить. Так это я для себя. А вот я кроликов воспитываю — и для себя и для людей. Как вы думаете, это — полезное дело?

Очень крепко, обеими ногами стоит на своей земле этот книгочий, тонко чувствующий слово.

Ульяновск очень изменился за последние годы. Гончаровский деревянный Симбирск отступает, город приобрел совершенно новый, промышленный облик и в чем-то, как это неизбежно случается, стал похож на другие промышленные города. Но когда, едва сойдя с поезда, вы выходите на вокзальную площадь, вас ожидает встреча, поразительная и радостная, словно встреча с собственной юностью. Это поясной скульптурный портрет: юноша с книгой в руках, в гимназической шинели, наброшенной на плечи. Черты лица его всем нам с детства знакомы. Ничего парадного, ничего торжественного нет в этой фигуре, и она не вознесена высоко над людьми— она живет среди людей, она человечна. Но с той минуты, когда вы увидели эту фигуру, вы не можете не полюбить Ульяновск, потому что тут вам приоткрылась душа этого старинного русского города. Нет в нем ничего крикливого, бьющего на эффект, ложнозначительного... И мальчик-гимназист, именем которого назван город, просто остановился тут, на площади, потому что он сын этого города, земляк тем, кто здесь живет, самым старым и самым юным, и они не просто им гордятся — они его любят.

Иногда мы спорим о том, нужно ли, рассказывая биографии замечательных людей, останавливаться на бытовых мелочах, не

В. И. Ленин в Кремле среди представителей народов Востока на II конгрессе Коминтерна. Москва, июль — август 1920 года.

снижает ли это их героический облик. Мы забываем при этом о миллионах растущих людей, которые думают о том, «сделать бы жизнь с кого». Мы забываем о том, что в воспитании — и в самовоспитании! — не существует мелочей, о том, что нехитрая история с яблочными кожурками может иметь настоящее влияние на воспитание характера, и именно благодаря своей бытовой подлинности.

И мне хочется привести здесь эту историю, известную всем детям Ульяновска, в изложении Миши Аввакумова — того, кто хочет быть шофером первого класса.

«Вот беседка, увитая виноградными лозами. Здесь семья Ульяновых любила пить чай. Однажды в этой беседке мать Владимира Ильича, Мария Александровна, чистила яблоки, а Володя попросил кожурок от яблока. Мать сказала, что их есть нельзя. Но когда она отвернулась, он взял кучку кожурок. Мать смотрит — Володя сидит на корточках и уплетает кожурки, как говорится, «за обе щеки».

Потом мы спросили экскурсовода, что Володе было за это.

— Он извинился и никогда больше не брал ничего без спросу,— ответил экскурсовод».

— Это вам рассказывали, когда вы летом ходили в домик Ленина? — спросила я.— Когда вас в пионеры принимали?

— Не-ет! — ответил Миша.— Это давно-давно рассказывал экскурсовод, еще я в детском саду был!

С обликом Ленина в душе вырастают его маленькие земляки. Жизнь Владимира Ильича им до мелочей знакома с детства. Он так близок им, что, в сущности, они и не очень удивились бы, если бы встретили его где-нибудь в Свердловском парке. И не случайно для каждого из них нравственные, моральные проблемы идут прежде всего, даже прежде завоевания космоса: «Говорить всегда правду, хотя это бывает трудно!» А Юра Головихин, мечтатель и фантазер, даже не заикается о завоевании галактик, прежде чем не будут решены кардинальные вопросы на Земле: мир и дружба всех народов.

Я не думаю, что все те, кто сегодня мечтает открывать новые планеты, непременно станут космонавтами. И не думаю, что Нина Мушкарина окажется всего полезнее своей Родине именно на Сатурне. Но я совершенно уверена, что где бы они ни оказались, кем бы ни стали в дальнейшем, им будет что взять с собой в жизнь из своего детства и юности.

А пока что будущие космонавты еще ни разу не побывали в Москве. И когда я уходила из школы имени Ленина, ко мне подошел Володя Лебедиков и тихонько, доверительно сказал:

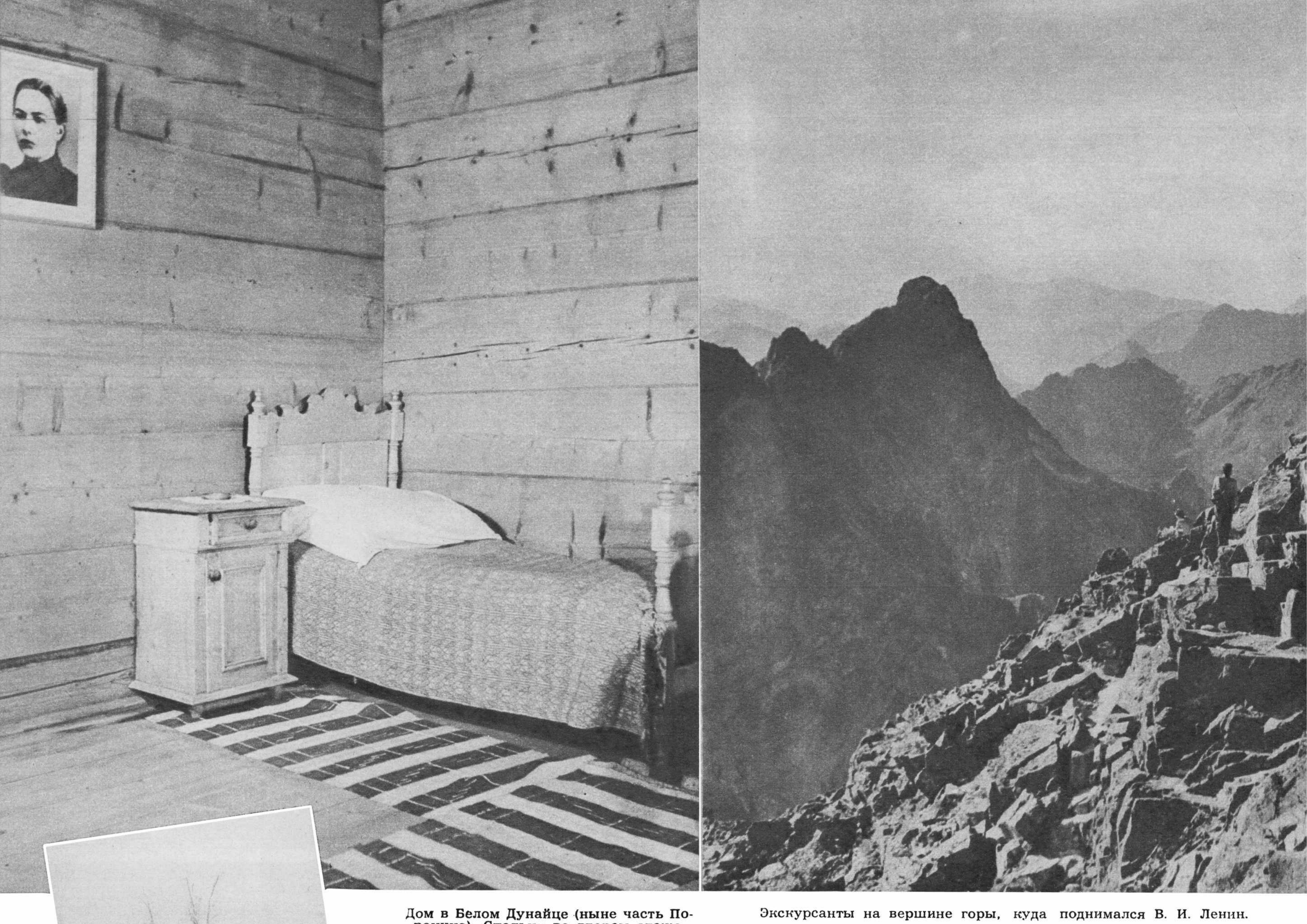
— Передайте, пожалуйста, привет московским пионерам.

— От тебя?

— От меня... И от нас от всех!

В. И. Ленин и Н. К. Крупская выходят из Дома Союзов после заседания съезда по внешкольному образованию. Москва, 6 мая 1919 года.

по ВНЕШ
В КО
„ДО

Дом в Белом Дунайце (ныне часть Поронина). Спальня во втором этаже.

Экскурсанты на вершине горы, куда поднимался В. И. Ленин.

Тибор Чорба. Вид из окна домика в Белом Дунайце, где жил Ленин.

ПО ВЕЛЕ

Войцех ЖУКРОВСКИЙ,
польский писатель

Фото Януша Фогеля.

На площади Дзержинского в Варшаве высится белый дворец, некогда принадлежавший князьям Радзивиллам. Ныне это Музей В. И. Ленина.

Недавно здесь открылась международная выставка рисунков и плакатов. Многие из них были посвящены В. И. Ленину. По-разному решали эту тему художники Мексики, Китая и других стран, но каждый запечатлел внутреннюю силу, пафос, простоту, присущие образу вождя мирового пролетариата.

В одном из залов выставки — акварели венгерского художника Тибора Чорбы. Его полные света и легкости пейзажи показывают те места в наших польских Татрах, где некогда нашел приют, трудился, боролся Ленин.

Художник Чорба одновременно и писатель. Каждому пейзажу у него предпослан коротенький рассказ, связанный с воспоминаниями о Владимире Ильиче. Я спрашиваю его:

— Скажи, как возник цикл этих пейзажей?

— Ты знаешь меня пятнадцать лет,— отвечает Чорба.— Я венгр, но люблю Польшу, ваши ландшафты, деревья, переменчивое небо... Я не люблю ездить на машине, не тороплюсь и все разглядываю не спеша. У меня всегда находится время полазить по разным местам, поговорить с людьми, полюбоваться окрестностями... Недавно я побывал в Поронине. Писал зимние пейзажи без перчаток, руки у меня замерзали. Рисую, оборачиваюсь—и вдруг вижу: за мной стоит... Ленин! Нет, без сказок — тот, на памятнике. Я зашел в музей. Проходя по залам, снова втянулся в атмосферу ленинских мыслей и дел, следы которых присутствуют здесь незримо. А потом это захватило меня целиком. Иду по тропкам в горы, и на каждом шагу встают картины его жизни. Потом уже обдуманно стал выбирать те места, где он бывал. И решил: пусть этот цикл будет посвящен его светлой памяти...

В этих местах ничто особенно не изменилось,— продолжал Чорба.— Взгорья, баррикада Татр на горизонте все те же. Зашел я в дом, где жил Ленин, рисовал то, что он мог видеть через окно, когда отрывал взгляд от книг, рукописей, писем. Правда, некоторые деревья уже срублены, другие выросли заново. Построено несколько новых домов, но люди остались такими же порывистыми гуралями, с лицами, словно вырезанными из крепкого дерева. Те же горские шляпы с пером, белые брюки с красочным рисунком на бедрах...

Старый гураль, потягивая закопченную трубочку, рассказывал мне: «Хороший был человек, только очень нетерпеливый. Никак не хотел ждать, пока ему с поезда почту принесут. Сам ходил на станцию, садился на бревна, ждал. Как увидит, что сумку с письмами понесли из поезда, так и бежит на почту... Страх, сколько людей ему писали!»

Побывал я и в старой корчме, где Ленин назначал встречи приезжим товарищам-революционерам. Это совсем недалеко от поста тогдашней австрийской жандармерии.

Знаешь, — улыбнулся вдруг Чорба,— я теперь могу стать гидом в Поронине. Могу рассказать множество разных подробностей, которые собрал во время работы в ленинских местах. Один старик гураль сказал мне: «Когда Ленина забирали, а потом обыск делали, то нагрузили целую повозку книг и газет... Аж дивно было, что такой мудрый человек жил рядом с нами. У нас только тогда глаза открылись, кто он такой... Ведь книга в деревне чудом была, если не считать евангелия...» Второй старик добавил: «Дети его любили. Ходили за ним стайкой, а он с ними то по-русски, то по-немецки говорил, шутил. А когда сильно

По «ленинским тропам». Польские молодые туристы обсуждают маршрут.

НИЮ СЕРДЦА

мешали ему думать, он, бывало, обернется и погрозит пальцем: «А ну, удирайте, ребята!» Но чаще угощал их конфетами: известно, что несладко жилось тогда бедным детишкам. А ходил не спеша; руки за спину заложит и думает, заберется куда-нибудь повыше да все в сторону России смотрит...»

Этого цикла рисунков никто мне не заказывал. Я не получал никаких стипендий или пособий для того, чтобы иметь возможность рисовать. Долг сердца велел мне сделать эту работу. Я лучше понял свою задачу, когда много прочитал о жизни великого революционера...

Толпы зрителей, наполнявших залы бывшего радзивилловского дворца, задерживались у этих светлых пейзажей, читали краткие объяснения, написанные Чорбой, удалялись на несколько шагов и снова глядели посветлевшим взором на картины, которые были для них окном в великое прошлое.

Зов сердца... Именно он ведет моих сограждан-поляков в деревянный домик на каменном фундаменте, расположенный в польских Татрах и построенный в типичном гуральском стиле. Здесь находится Музей В. И. Ленина.

У подножия памятника Ленину всегда живые цветы, особенно летом, когда каждый приезжающий старается собрать на альпийских лугах как можно больше разных цветов и выразить свою любовь к великому человеку.

В прошлом году музей посетило около 70 тысяч человек, в том числе более 9 тысяч из-за рубежа. Сюда съезжаются буквально со всего света: в книге посетителей можно найти записи на всех европейских языках, на китайском, арабском, японском...

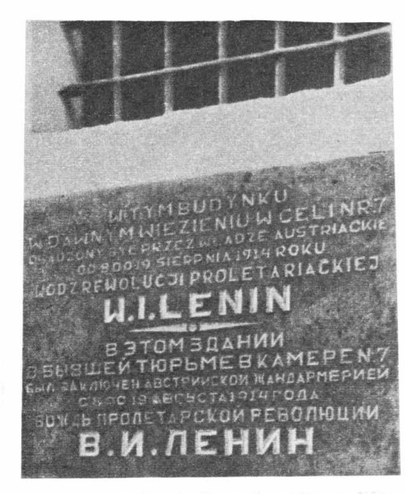
Но музей не единственный пункт, куда стремятся люди. Они хотят побывать в тех местах, где ходил Ленин, посидеть там, где сиживал он, представить себе — хотя бы приблизительно — ту обстановку, в которой великий вождь человечества обдумывал исторические планы, воплощенные ныне в славные дела. Многие даже подолгу бродят по горным тропам и кручам, куда взбирался Владимир Ильич, в тайной надежде... найти хоть что-нибудь из вещественных доказательств его пребывания в Татрах!

Каждый из нас много слышал и читал о Ленине. Однако мало кто знает, что Владимир Ильич страстно любил далекие прогулки в горы. Нет, он не был альпинистом или исследователем Татр. Но он был смел, и даже двухдневная вылазка в горы, требующая много сил и бесстрашия, не пугала его. В Поронине, Белом Дунайце и Денарже сохранилось много доказательств того, что Ленин бывал на высоких точках Татр: на Хали Гонсеницовой, на Заврате, в Долине Пяти Озер и на Морском Оке. Не каждый даже сегодня, даже из молодых туристов, способен побывать там.

Это не были прогулки для отдохновения. Их можно назвать лишь так, как это справедливо отвечало самой натуре вождя: активный отдых. Ленин часто заходил в убогие хижины пастухов, оживленно беседовал с ними, расспрашивал об условиях их жизни, интересовался их обычаями и преданиями, собирал альпийские растения — словом, во все вносил свой, **ленинский** дух изучения жизни для того, чтобы переделывать ее.

Сейчас для польской молодежи стало делом чести пройти по ленинским местам в польских Татрах, или, как их называют, «ленинскому пути», досконально узнать все подробности его двухлетнего пребывания в Польше.

Польская молодежь носит в сердце образ Ленина.

Памятная таблица на здании бывшей тюрьмы в Новом Тарге, где в 1914 году был заключен В. И. Ленин.

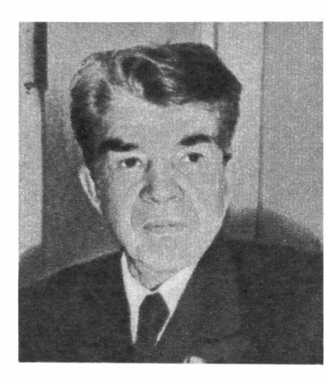
Сегодня всей земли громада, все сердца обращены к нему

Фотография 1921 года. В. И. Ленин среди делегатов съезда горнорабочих. Знаками отмечены Ф. Новиков (×), М. Миков (××) и В. Моисеев (×××).

ИСТОРИЯ ОДНОГО СНИМКА

Ф. М. Новиков. 1960 год. Фото С. Васина.

Старые большевики, пенсионеры Василий Гурьянович Моисеев и Михаил Николаевич Миков не слышали друг о друге тридцать пять лет. Недавно они увиделись. И вот при каких обстоятельствах.

Моисеев неоднократно встречался с В. И. Лениным. Его попросили написать воспоминания. Вместе с рукописью он принес в Свердловский историко-партийный архив и снимок, на котором объектив запечатлел его в числе делегатов II съезда горнорабочих. В центре снимка — Владимир Ильич.

Взглянув на карточку, заведующий архивом воскликнул:

— Знаете, у нас в городе живет владелец второго такого же снимка! И он тоже был делегатом съезда.

...Михаил Николаевич Миков после разгрома белогвардейцев вернулся в родной Кизеловский угольный бассейн. В январе 1921 года горняки послали его на съезд в Москву.

— Почти перед самым закрытием съезда, — вспоминает Миков, — в президиум от группы делегатов поступила записка:

«Нельзя ли сфотографироваться с Владимиром Ильичем?»

Я передал записку сидевшему рядом председателю ЦК профсоюза горнорабочих большевику Артему (Сергееву). Он позвонил Ильичу и, вернувшись, сказал: «Владимир Ильич согласился. Съемка состоится 2 февраля в Кремле. Предупредите товарищей».

Точно в назначенное время все триста делегатов собрались у Дома союзов и во главе с Артемом двинулись к Спасским воротам. К четырем часам дня мы подошли к зданию Совнаркома, но Ленина на месте не оказалось. Как сообщили в секретариате, он сам отправился навстречу делегатам.

Мы стали искать Ильича. Он прогуливался около Кремлевского дворца.

— А где же ваши товарищи? — спросил Ленин.

Мы объяснили.

Вышло так, что Ленин направился к Троицким воротам, где обычно пропускали посетителей Кремля, а мы прошли кратчайшим путем — через Спасские...

В Москве живет еще один делегат — Федор Михайлович Новиков, уроженец Кизела и друг Микова.

— Я в то время заведовал профтехническим образованием в ЦК профсоюза горнорабочих и присутствовал на заседаниях съезда, — говорит Федор Михайлович. — Мне тоже посчастливилось тогда сфотографироваться с Лениным...

Владимир Ильич сел с нами в автомобиль. По дороге он спросил про мои дела. В ту пору в Москве открылась первая школа горных десятников, и я рассказал о ней Ленину. «Замечательное дело! Надо как можно быстрее готовить горных специалистов потому, что без угля нет жизни», — заметил Ильич. И добавил: — «Очень важное и нужное дело!»

Мы подъехали к месту съемки. Ленина встретили радостными возгласами. Быстро принесли скамьи, прихватили стул для Владимира Ильича. Наконец разместились. Фотограф, укрывшись черным полотнищем, долго наводил аппарат. Потом заявил, что не сможет снять сразу всех, надо разбиться на две группы.

Артем обратился к Ленину:

— Владимир Ильич, придется сниматься два раза.

— Ну что ж, это даже лучше, — улыбнулся Ленин.

После съемки угольщики, нефтяники и рудокопы тесным кольцом окружили вождя. Он интересовался их жизнью, работой, расспрашивал о продовольственном положении.

Воспоминаниями о незабываемом дне встречи с Владимиром Ильичем поделился и Василий Гурьянович Моисеев — делегат съезда от рабочих Челябинских угольных копей.

— Я стоял около Ленина, — вспоминает он. — Вдруг за моей спиной раздался голос: «Товарищи, я забойщик, прошу разрешить мне сфотографироваться рядом с Владимиром Ильичем». Владимир Ильич потеснился, и забойщик занял желанное место.

Василий Гурьянович все годы войны бережно хранил фотографию вождя.

— Я был на фронте заместителем командира по политчасти, — говорит он.— Когда нам приходилось туго, доставал из полевой сумки драгоценный снимок и показывал его бойцам...

И. ТВЕРСКОЙ,
сотрудник газеты «Вечерний Свердловск»,
Н. ЧЕРНИКОВ

М. Н. Миков и В. Г. Моисеев. 1960 год. Фото И. Тюфякова.

Ленинский мост дружбы. Фото В. Джейранова.

В годы гражданской войны мост на станции Пойлы, пограничной между Азербайджаном и Грузией, был разрушен. Когда вслед за Азербайджаном Советская власть устанавливалась и в Грузии, местное население взялось своими силами восстановить Пойлинский мост.

Не было квалифицированных инженеров, не хватало материалов, но зато в избытке было то, что в те дни совершало большие дела,— революционный энтузиазм масс.

Восстановив мост, строители собрались на митинг и послали В. И. Ленину телеграмму:

«Станция Пойлы Закавказской ж. д., 23 февраля 1921 года. Вне всякой очереди.

Москва, Кремль, Ленину. Дорогой Владимир Ильич! Мы, строители Пойлинского моста, пограничного между Грузией и Азербайджаном, все рабочие, крестьяне, бывшие грузвоеннопленные, красноармейские части, бакинские и железнодорожные рабочие, всего в количестве 1 200 человек, по окончании работы, открыв движение поездов по восстановленному мосту, приветствуем вождя международного братства и мировой революции товарища Ленина. Мы постановили назвать Пойлинский мост, восстановленный грузинскими рабочими руками всего лишь в четыре дня, Ленинским мостом, чтобы этот мост был первым памятником дружной совместной работы грузинских и русских пролетариев и соединил бы обе эти нации так же крепко, как мы соединили оба берега реки Куры.

Дорогой вождь мировой революции, товарищ Ленин, не забывайте, что по этому мосту грузинский народ стремится к Вам, как к своему освободителю рабочих и крестьян всего мира».

Через несколько лет обнаружилось, что Пойлинский мост не может выдержать нагрузку новых мощных локомотивов. Пришлось построить новый, но старый не пошел «на пенсию». Он по сей день честно работает на шоссейную дорогу, по которой идут груженные хлопком машины азербайджанских колхозов.

А рядом, через станцию Пойлы, стоящую на стыке Закавказской и Азербайджанской дорог, день и ночь безостановочно несутся тяжеловесные маршруты с дашкесанской рудой, чиатурским марганцем, руставской сталью, целинным хлебом, черноморскими цитрусами, бакинской нефтью, сибирским лесом, донецким углем. С гордостью несет почетную вахту многонациональный коллектив станции Пойлы, превращенной в станцию дружбы и братства.

П. ВАРУНЦ,
инженер путей сообщения

ЛЕНИН И СУДЬБЫ АФРИКИ

Профессор И. ПОТЕХИН, директор Института Африки Академии наук СССР

Во время поездок в африканские страны мне неоднократно приходилось встречаться с видными деятелями национально-освободительного движения Африки и с молодыми африканцами. Многие из них проявляли живейший интерес к основателю Советского государства В. И. Ленину, к его трудам и идеям.

Тот факт, что в Советском Союзе за исторически кратчайший период — каких-нибудь сорок лет — ликвидирована бедность и неграмотность, тот факт, что за это время Советский Союз превратился в передовую державу мира, не может не волновать умы и сердца африканцев. Они пытаются понять, как удалось свершить это «чудо», как удалось осуществить этот гигантский скачок. Не раз люди разных социальных рангов и разных возрастов с гордостью показывали мне работы Ленина, которые они страстно изучали, пытаясь найти в них ответы на волнующие их вопросы.

Сбывается предвидение Ленина, который говорил: «За периодом пробуждения Востока в современной революции наступает период участия всех народов Востока в решении судеб всего мира». Эпоха колониализма в Африке подходит к концу. Большая часть африканского континента еще остается под гнетом колонизаторов, но события развиваются быстро, и недалеко время, когда в Африке не останется ни одной колонии. Завоевывая национальную независимость, народы Африки выходят на широкую дорогу самостоятельного развития и получают возможность сами решать свои судьбы. Главное, что волнует сейчас африканцев на всем великом континенте, — это победить, преодолеть отсталость, нищету и неграмотность — тяжкое наследие господства колонизаторов.

Буржуазный мир упорно навязывает африканцам свои идеи, призывает их оставаться в лоне капитализма. Но капитализм настолько скомпрометировал себя, что сами капиталисты стесняются называть свой строй капиталистическим. Африканцы ищут других путей. Их страстно привлекает идея социализма.

Однажды в Гане меня попросили прочитать публичную лекцию о достижениях Советского Союза за годы революции. За мной приехали активисты молодежной лиги. Они приехали в автофургоне, на бортах которого был крупно написан лозунг: «Молодежь Ганы пойдет по пути социализма!».

Но каковы пути, ведущие к нему, они еще не знают или имеют об этом слабое представление. Империалистическая пропаганда и европейские правые социалисты замутили воду, представили идеи научного социализма в искаженном виде. Передовая часть африканцев тянется к трудам Ленина, к трудам основоположников марксизма-ленинизма.

Имя Ленина широко известно в Африке.

Один из африканских журналов, «Аль-Фаджжар аль-Джадид», писал недавно о Ленине: «Ленин был не только вождем русского рабочего класса, он был вождем рабочего класса всего мира. И не случайно замолк шум машин во всех уголках мира в знак траура в день смерти Ленина. Рабочие поняли тяжесть утраты, которую они понесли со смертью этого человека, проложившего им дорогу к победе, к свободе».

Лучшие люди Африки знают В. И. Ленина как великого друга всех порабощенных империализмом народов, как борца за счастье трудящихся всего мира.

Ленин проявлял живой интерес к Африке. Он внимательно следил за тем, что происходит на африканском континенте. В трудах Ленина мы находим многочисленные высказывания и заметки, относящиеся к истории империалистического раздела Африки, к порабощению африканских народов колонизаторами, к первым проблескам борьбы народов против колониализма. В ленинских конспектах содержатся гневные характеристики колонизаторов и их варварских методов захвата африканских территорий. «Грабят («делят») Африку» — так оценивал Ленин действия Англии и Франции в конце прошлого столетия. О колониальной войне Италии в Ливии Ленин писал: «Чем была эта война? Усовершенствованной, цивилизованной человеческой бойней, избиением арабов при помощи «новейших» орудий. Арабы сопротивлялись отчаянно...»

Тогда, во времена Ленина, для рядового человека Африка была каким-то забытым захолустьем. Тогда вся Африка была подавлена, прижата к земле сапогом колонизаторов, прочной стеной отгорожена от внешнего мира. Но все же нельзя говорить об Африке как о «сейчас проснувшемся континенте». В последней четверти XIX века, когда происходил раздел Африки, ее народы вели тяжелую, героическую неравную борьбу против колонизаторов. Они потерпели жестокое поражение, силы были сломлены. Нужно было время, чтобы прийти в себя, осознать свое положение и найти новые пути борьбы за восстановление своей независимости, за возрождение своей национальной культуры. Народ не мирился со своим положением рабов. Во все времена колониального господства в Африке то тут, то там вспыхивали народные волнения против бесчинств колонизаторов, против налогового бремени, против принудительного труда. Это были стихийные выступления, с которыми колонизаторы жестоко расправлялись, но они были предвестниками великих битв.

Ленин верил в силы народов Африки. Он знал, что они положат конец мрачному господству колонизаторов. Он мечтал о тех днях, когда народы колоний выйдут на широкую дорогу самостоятельного развития, творчества и вместе с другими народами мира на равных началах будут участвовать в мировой политике.

На этом рисунке, взятом из газеты Южно-Африканского Союза «Умзебензи», которая была запрещена властями, написано: «Ленин указывает путь к свободе».

Это время пришло. Теперь на африканском континенте существуют 11 суверенных государств, а к концу этого года их будет по крайней мере 17, а может быть, и больше.

Идеи Ленина лежат в основе отношений нашей страны и нашего правительства к народам Африки, к их борьбе за лучшее будущее. Ленин говорил:

«Мы все усилия приложим, чтобы с монголами, персами, индийцами, египтянами сблизиться и слиться...» Ленин ставил задачу помочь им «перейти к употреблению машин, к облегчению труда».

Народы Советского Союза, Советское правительство всегда и неуклонно выступают на стороне народов Африки, поддерживая их стремления избавиться от чужеземного господства. Советская страна неоднократно заявляла, что она и впредь готова оказывать поддержку как тем народам, которые борются за свою независимость, так и тем, которые уже создали свое национальное государство и перешли к строительству новой жизни.

Всем известна помощь, которую оказал Советский Союз Объединенной Арабской Республике в борьбе за сохранение своего государственного суверенитета. Строительство Асуанской плотины, осуществляемое при помощи Советского Союза, является величайшим благодеянием для народов Египетского района ОАР. Советский Союз предоставил на весьма льготных условиях кредиты Эфиопии, Гвинее и оказывает им большую помощь в строительстве национальной экономики.

Мне многократно приходилось беседовать с африканцами, и я всегда слышал самые похвальные, лестные и благоприятные отзывы о политике Советского Союза в отношении Африки, о помощи африканским государствам.

Советские люди, воспитанные в духе братской солидарности между народами, проявляют исключительно большой интерес к современным событиям на африканском континенте. Год назад была создана Ассоциация дружбы с народами Африки, поставившая своей целью распространение правды об африканских народах, об их образе жизни, культуре, борьбе за обновление жизненного уклада.

Советские люди требуют от своих ученых не только правдивой и исчерпывающей информации о современных событиях,—они хотят знать прошлое народов Африки.

А народы Африки знали прекрасные страницы своей истории. Вот на карте Африки появились новые названия: «Гана», «Мали». Но они новы для тех, кто не изучал истории Африки. На старинных картах Африки уже были эти названия. Это названия великих империй средневековья. О них, к сожалению, мало известно.

Президиум Академии наук СССР принял решение о создании самостоятельного научно-исследовательского института — Института Африки Академии наук СССР. Институт уже приступил к работе и составил план своих исследований на семь лет. Большое место в этом плане занимают темы, посвященные истории народов Африки, истории их культуры. В частности, большое внимание будет уделено истории XIX века. Писать ее приходится заново. Имеется огромная литература по этому периоду африканской истории. Но в этой литературе история Африки выглядит как «составная часть» истории Англии, Франции, Бельгии и других империалистических держав. Подробно изучена и описана история колониальной политики, история борьбы империалистов за раздел африканского континента. Но почти совсем не изучена история народов Африки за этот период, история героического сопротивления европейской колониальной экспансии.

В ближайшие годы будут подготовлены и опубликованы работы о борьбе зулусов, коса и басуто против англо-бурской колонизации Южной Африки, о борьбе народов Западного Судана под руководством Самори — деда нынешнего премьера Гвинеи Секу Туре — против французской колониальной экспансии.

В планах института, естественно, займут свое место экономические и социальные проблемы, которые стоят сейчас перед народами, завоевавшими независимость.

Институт намерен приглашать для работы в его стенах африканских ученых, расширять и укреплять деловое сотрудничество с научными учреждениями Африки.

Кровавое преступление расистов

Так это началось. 21 марта в Шарпевиле собрались невооруженные люди.

В этот день — 21 марта — в Шарпевиле, городке под Иоганнесбургом, полиция расистского правительства Южно-Африканского Союза жестоко и хладнокровно расстреляла толпу безоружных негров.

...Уже давно колонизаторы превратили Южную Африку в ад для негров — исконных хозяев этой земли. Не переставая, свистят плетки над спиной негра, и льется на эту землю его кровь во имя доказательства изуверской теории «превосходства белой расы». Но ни пуля, ни кнут не задушили стремления к свободе и достоинства миллионов коренных жителей Южной Африки. Издевательский закон колонизаторов вменил в обязанность негру всегда иметь при себе «пасс» — пропуск. Без этого пропуска его арестовывают, сажают в тюрьму, посылают на принудительные работы. Негры в Южно-Африканском Союзе не могут пользоваться теми же автобусами, такси, больницами, не могут жить в тех же гостиницах и ходить в те же кинотеатры, что и белые. «Черную работу делает черный» — это закон для ЮАС. А за свою работу черный всегда получает гроши.

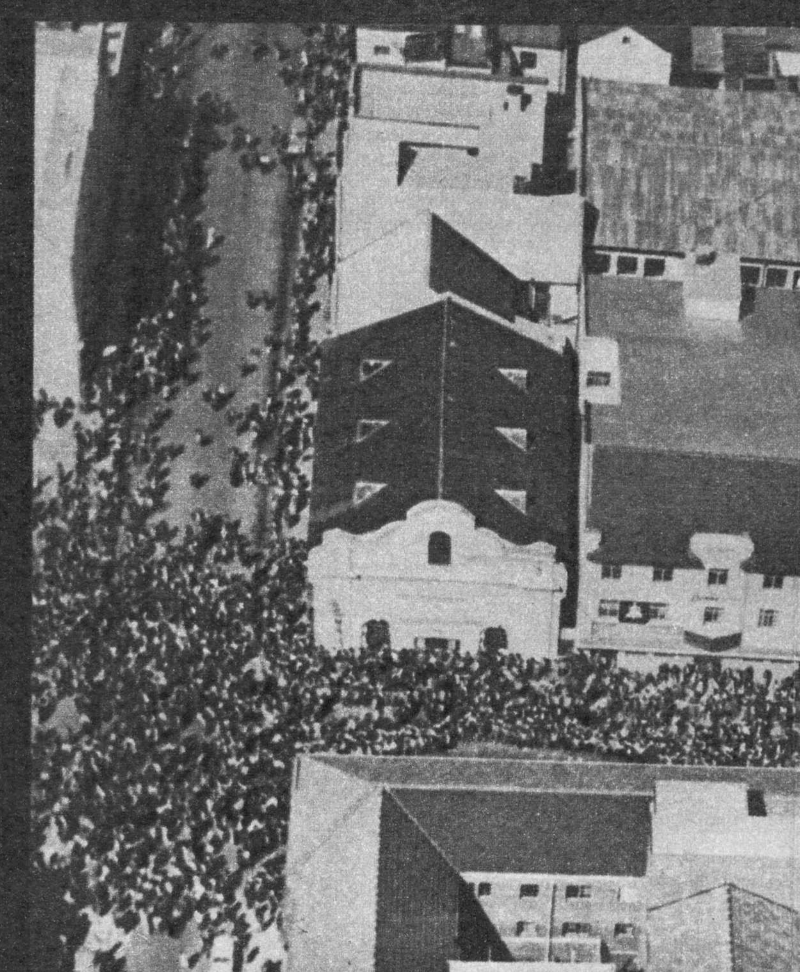
21 марта в Шарпевиле несколько тысяч негров по призыву своих лидеров пришли к полицейскому участку, чтобы выразить протест против закона о пропусках, против расистской политики властей. Как стало ясно позднее, полицейские агенты сами старались сделать так, чтобы к участку собралось побольше народа. Вот что случилось потом, по свидетельству корреспондентов.

АНГЛИЙСКАЯ ГАЗЕТА «ТАЙМС»: «Внезапно раздалась пулеметная очередь, толпа с криком разбежалась, оставив на земле в расплывшейся луже крови около 80 человек. Среди них был ребенок и страшно кричащая раненая женщина».

АМЕРИКАНСКИЙ ЖУРНАЛ «ТАЙМ»: «Начальник полиции полковник Пиернаар отдал приказ приготовиться. И через мгновение полицейские начали стрелять из револьверов, винтовок, автоматов. Это было как цепная реакция. Женщина с фруктовым лотком была убита наповал, десятилетнему мальчику пуля попала в голову. Обезумевшие невооруженные люди бежали в поисках спасения, оставляя на площади сотни убитых и раненых. Многие получили пулю в спину. Через две страшные минуты все было кончено. Одного из офицеров стошнило, когда полицейские начали уничтожать следы кровавой бойни. Но начальник полиции холодно сказал: «В мою машину бросили камень. Если они делают такие вещи, они должны получить суровый урок».

АНГЛИЙСКАЯ ГАЗЕТА «ГАРДИАН»: «Полиция открыла огонь из автоматов, пулеметов и винтовок. Очевидцы рассказывают, что люди, стоявшие в первых рядах, попадали, как кегли... Фотокорреспондент из Иоганнесбурга, чья машина была изрешечена пулями, сказал, что он «заснял самое большое кровопролитие, которое он когда-либо видал в Южной Африке».

АНГЛИЙСКАЯ ГАЗЕТА «ОБСЕРВЕР»: «Мы увидели два броневика. Стволы их пулеметов были угрожающе подняты над головами толпы, стоявшей в ста ярдах от нас. Так было за семь минут до того, как полиция открыла огонь. Люди не толпились вокруг броневиков, а проходили мимо. Играли дети. Всего было 3 тысячи человек. Люди, по-видимому, были настроены мирно... Но вот началась

В одном из негритянских поселков под Иоганнесбургом. Против демонстрантов брошены бронемашины «Сарацин».

стрельба. Мы услышали треск пулемета, затем заговорил другой пулемет. Первая пулеметная очередь была направлена туда, где сидели мы, следующая — дальше в сторону. Среди присутствовавших было много женщин, некоторые из них смеялись. Они, вероятно, думали, что полиция стреляет холостыми зарядами. Примерно в 10 ярдах от нашего автомобиля пули попали в одну женщину. Сопровождавший ее молодой человек повернулся, когда она упала. Он думал, что она споткнулась. Он повернул ее лицом кверху и увидел, что ее грудь прострелена навылет. Он посмотрел на кровь на руке и воскликнул: «Боже мой, она умерла!»

Сотни детей обратились в бегство. Один маленький мальчик держал за спиной старое черное пальто, думая, наверно, что оно спасет его от пуль. Некоторые из детей, ростом чуть повыше травы, ползли на четвереньках. В некоторых из них тоже угодили пули.

Стрельба продолжалась. Один из полицейских стоял на бронеавтомобиле, и похоже было, что он стреляет из своего автомата «Стэн» прямо в толпу. Он поворачивал автомат по широкой дуге, держа его у бедра... Перед тем, как открылась стрельба, я не слышал, чтобы толпе приказали разойтись. Не было сделано и предупредительных выстрелов. Стрельба прекратилась, только когда на огромном пространстве перед полицейским участком не осталось ни одного живого существа».

АНГЛИЙСКАЯ ГАЗЕТА «ДЕЙЛИ ГЕРАЛЬД»: «Такие ранения, какие они (негры.— Ред.) получили, бывают только после сражения. Самые опытные хирурги и врачи были потрясены этими страшными пулевыми ранениями: кости, раздробленные пулями крупного калибра; конечности, настолько изуродованные пробившими их пулями, что необходима ампутация; много таких ран, которые говорят о том, что африканцам стреляли в спину».

В тот же день южноафриканская полиция расстреляла демонстрацию негров в поселке Ланга, близ Кейптауна.

На следующий день в парламенте Южно-Африканского Союза выступал премьер-министр Хендрик Фервурд. Он уже давно известен маниакальной приверженностью культу «превосходства белых». С парламентской трибуны глава расистского правительства... поблагодарил полицию Южно-Африканского Союза «от имени палаты и народа (!) за ее мужественные и успешные действия». В своем выступлении он заявил также, что «спокойствие восстановилось».

Фервурд поторопился. Спокойствие не восстановилось в Южно-Африканском Союзе. Бурлит заповедник расизма, охваченный народным гневом. Напуганные расисты сначала пошли на попятный и приостановили действие закона о пропусках. Но следом за этим они обрушили лавину репрессий на африканцев. В сообщениях печати замелькали названия новых городов и поселков, которые становились местом расправы над неграми.

Но народный гнев нарастал. 28 марта народ объявил днем траура. В этот день в Кейптаун из окрестных негритянских поселков двинулись толпы народа. Люди прекращали работу. Около тридцати тысяч человек собрались в Кейптауне к зданию Управления полиции, чтобы выразить свое негодование. Против собравшихся полицейские применили слезоточивые газы.

Варварство расистов, не прекращающееся в Южно-Африканском Союзе, вызвало возмущение всего мира. На стороне угнетенных африканцев, которые продолжают борьбу, симпатии всего человечества.

Фото Ассошиэйтед пресс.

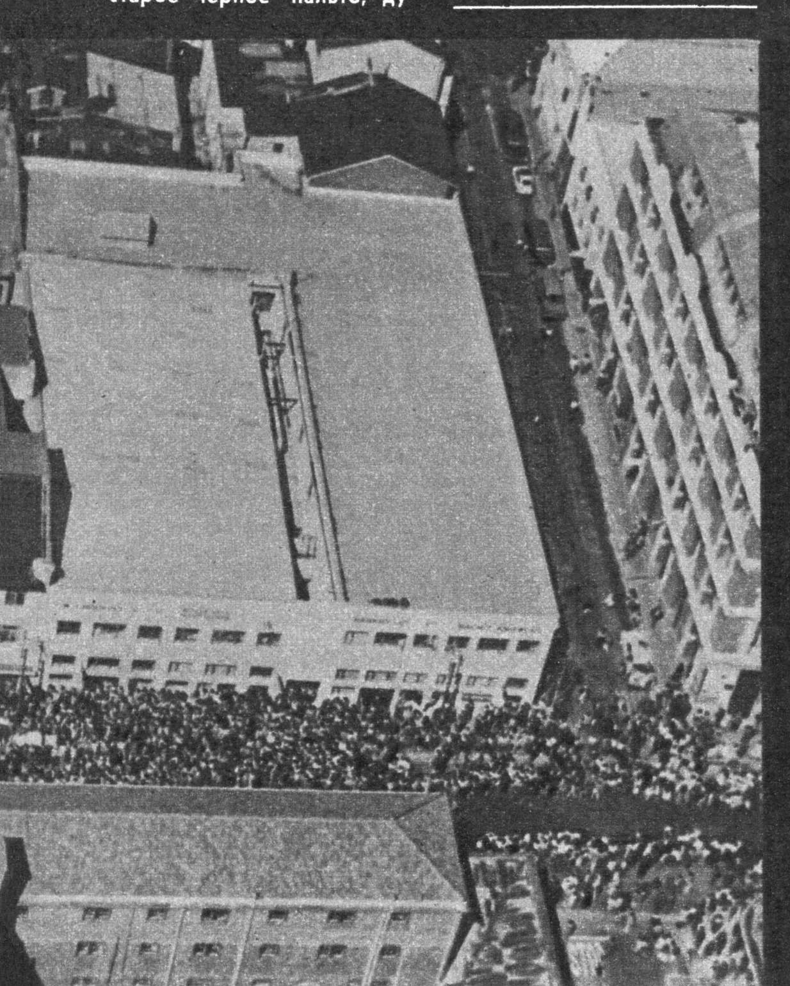
Шарпевиль. Полицейский смотрит на дело своих рук...

Поднятые вверх большие пальцы — символ борьбы за свободу.

Негры сжигали ненавистные пропуска.

В Кейптауне у здания Управления полиции собралось 30 тысяч человек.

21 АПРЕЛЯ — 15-ЛЕТИЕ ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ, ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ И ПОСЛЕВОЕННОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ МЕЖДУ СССР И ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

Инженер Константин Дунаев на ходу читает «лекцию» молодым рабочим кузнечного цеха в Гуте Варшаве.

К ОБОЮДНОМУ СЧАСТЬЮ

Е. ЯНИЦКИЙ,
А. МУЛЯРЧИК,
Т. МЕЦИК,
польские журналисты

Фото авторов.

Сегодня никто уже не называет этот район Млоцинами. Все говорят: Гута Варшава. Только старые варшавяне вспоминают, быть может, давние воскресные прогулки в Млоцины, где глаз видел далеко вокруг только мокрые луга, кустарники, пруды и озерца.

Гута Варшава... Металлургический завод — одна из строек социализма — возник не в индустриальной Силезии, не вблизи Домбровского угольного бассейна, но в самом сердце Польши — всего в нескольких километрах от польской столицы. В 1952 году началось строительство этого промышленного гиганта — завода высококачественных сталей. И пока в окрестностях Варшавы велись первые пробы грунта, в Советском Союзе уже скоплялись документы в папках с надписью: «Гута Варшава». В «Гипромезе» разрабатывались предварительные планы большой польской стройки, а затем утверждались и детальные проекты производственных цехов.

Когда пришло время поставок из СССР для нового польского промышленного объекта, пришлось создать в польской столице новый вокзал, новую станцию — «Гута Варшава». Железнодорожные составы с тысячами тонн оборудования, машин, запасных частей начали приходить сюда. Поезд за поездом вкатывался на станционные пути, выгружалось оснащение будущих цехов: механического, литейного, компрессорной станции, цеха специального стального литья, кузнечно-прессового, блюминга.

Если приглядеться сегодня, то территория Гуты Варшавы, застроенная громадными зданиями из светлого кирпича, украшенная зеленью скверов, очень напоминает советский завод Днепроспецсталь. Тут сплошное родство: Днепроспецсталь — отпрыск комбината Запорожстали, а тот, в свою очередь, как бы старший брат польского металлургического комбината имени Ленина под Краковом.

Долгое время мы не могли разыскать директора Гуты Варшавы. Ходит по цехам, говорили все, к кому мы обращались. Помог инженер Ежи Малец. Он-то и рассказал нам, как сидел некогда здесь, в бывших Млоцинах, с удочкой в руках на берегу малого озерка. Ежи Малец — еще молодой инженер, но отнюдь не новичок: не раз уже имел он дело с высококачественными сталями.

Некоторое время, еще в 1955 году, он был на практике на Днепроспецстали, работал вместе с двадцатью пятью зарубежными инженерами, мастерами литья. Своих советских наставников он считает не только опытными и заботливыми опекунами, но и близкими, добрыми приятелями: он бывал у них в домах, знает их родителей, жен, помнит имена детей...

Пока Ежи рассказывал обо всем этом, мы заметили среди металлических конструкций приземистого человека в шляпе. Они сердечно обнялись — польский инженер Малец и советский инженер Дунаев.

Константина Ивановича Дунаева, инженера свердловского Уралмашзавода, несмотря на его плотную фигуру и немалый вес, смело можно назвать «летучим металлургом»: с Урала он летал в Таджикистан, Азербайджан, Китай, за два только года под его руководством было построено три металлургических завода.

Договор о дружбе и экономическом сотрудничестве между Советским Союзом и Польшей — это не только формулы официальных документов. Это не только толстые папки чертежей и большегрузные составы с оборудованием, это прежде всего люди. Кроме К. И. Дунаева, мы встретили на Гуте Варшаве еще двух инженеров из Орска: Владимир Кузнецов и Виктор Леонов приехали сюда, чтобы поделиться своим богатым опытом с молодыми строителями. Скоро здесь появятся их семьи, и инженеры переселятся из гостиницы в новые квартиры, которые завод готовит для них в варшавском районе Беляны.

Еще месяца два назад оба, и Кузнецов и Леонов, не знали польского языка. Им наперебой помогали на заводе все — и мастер Казимеж Краевский, и энергетик Минцер, помогали незнакомые прохожие, встречные на улицах, в магазине, в столовой. Как-то советские специалисты решили послушать оперу Монюшко, знаменитую «Гальку». И поняли все до последнего слова. А потом принялись за польские газеты.

В кузнице в разговоре с советскими товарищами Стефан Гадовский и Генрик Гуральчик напомнили им об экскурсии по Польше, которая затевается уже давно. Остроумный Дунаев, точный и немногословный Кузнецов и всегда веселый Леонов увидят польские западные земли, полюбуются Вроцлавом, Вальбжихом, Кендзежином, Щецином, проедут вдоль Одера, за которым у Польши теперь друзья, а не враги, как бывало раньше в ее истории.

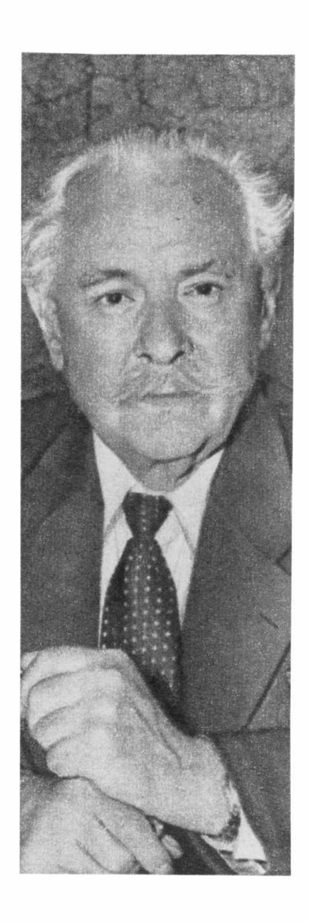
Трудно беседовать в кузнице, где работают мощные прессы в 1 250 тонн. Монтаж такого пресса проходил под руководством советского инженера Виктора Павловича Калмыкова. Он был не только специалистом по монтажу, но и конструктором этого типа прессов. Под зорким наблюдением Калмыкова польский энергетик Феликс Минцер знакомился с действием мощного агрегата.

Феликс Минцер показал нам записанный им адрес своего нового друга: «В. П. Калмыков. Новосибирск, 24, переулок Мира, дом 4, квартира 15». Между ними было заключено нечто вроде договора о дружбе и взаимопомощи: если Минцер заметит во время работы пресса хоть малейший дефект, он немедленно и подробно сообщит о нем в Новосибирск. Если же Калмыков введет какие-либо изменения в свою модель, он тут же сообщит в Варшаву своему польскому другу детальное описание новшества.

Долго еще, к обоюдной радости адресатов и общей пользе, будут курсировать между Вислой и Днепром, между Варшавой и Свердловском, между Польшей и СССР поезда, письма, люди, технические идеи — символ бескорыстной дружбы братских народов, утверждающих в мире новый, справедливый порядок.

Неразлучный спутник советских друзей инженер Ежи Малец (слева) условливается с Владимиром Кузнецовым и Виктором Леоновым о «походе» в театр.

Как Ленин вошел в мою жизнь

Гастон МОНМУССО,

секретарь Всеобщей конфедерации труда Франции

Ленин вошел в мою жизнь не внезапно, как «удар грома среди ясного неба»; не было это и результатом чтения его теоретических работ и политических статей. В юности я был далек от марксизма — скорее труды Кропоткина и его французских последователей пленяли мое воображение и уводили от марксизма, который к тому же еще мало был распространен во Франции в начале века.

Правда, во мне с юных лет жило смутное негодование против социальной несправедливости, бедности масс, милитаризма, войн. Это инстинктивное чувство крепло во мне по мере того, как на собственном опыте я знакомился с этими мрачными сторонами жизни. Но лишь много позже открылась для меня истина, что эксплуатация человека человеком — исходная причина несчастий тех, у кого все богатство — рабочие руки. Открытие это я сделал тогда, когда мне пришлось покинуть родную деревню, где я работал столяром в мастерской ремесленника, республиканца по убеждениям и человека весьма патриархального склада. Я был призван в армию и кончил службу в 1907 году, после чего надолго оказался в атмосфере цехов крупных промышленных предприятий. Там я постиг механизм того, как капиталист порабощает рабочего. А через несколько лет — я работал тогда на железной дороге — грянула первая мировая война.

Вы можете подумать, дорогие читатели, что я теряю из виду тему моей статьи. О нет, я как раз к этой теме и подхожу, и самым прямым путем. Мне только хотелось отметить мое деревенское происхождение и несовершенство моего воспитания.

В мастерских, где я работал, я в первые же дни после объявления войны стал свидетелем самого угнетающего зрелища: словно ураган шовинистической истерии пронесся над Францией! У себя в цеху я вдруг оказался в одиночестве. Я был всем своим существом против войны, но это вызывало лишь презрение многих товарищей по работе. Как умел, я боролся против течения, стараясь показать товарищам, что войну ведут богатые для своих целей и гибнут на ней простые люди.

О Ленине я и тогда еще ничего не знал. Но вот в феврале 1917 года пронеслась потрясающая весть: русские опрокинули царский трон. Надо ли говорить, какое впечатление это произвело на рабочих Франции, уставших от войны и военной диктатуры, от мучительно долгого ожидания мира! Мне было ясно: свержение царизма — первый мощный удар по мировой войне, первое предвестие мира.

И вот на этом-то самом жизненном вопросе для меня, для моего народа, для всех людей — на вопросе о войне и мире — я впервые столкнулся с тем новым, еще не изведанным мною, что было связано с именем Ленина. Помню, как летом 1917 года мы принимали в муниципалитете Сен-Дени делегацию русского Временного правительства, во главе которого стоял Керенский. Мы были полны самых дружеских чувств. И вот делегация заявила нам, французским рабочим, что собирается получить от французского правительства помощь оружием, чтобы русская армия могла продолжать «общее дело», то есть мировую бойню. Трудно передать, какое чувство досады и горького разочарования охватило меня! С этого момента и вошел в мою жизнь Ленин.

Он вошел, вытеснив из моего сознания преувеличенное, романтическое представление о Февральской революции и ее исторической ценности. Французские рабочие уже слышали о Ленине; они вскоре узнали о бешеной травле, которую подняла буржуазная печать вокруг его имени, о завываниях клеветников, называвших его «германским шпионом»; узнали о партии большевиков и о том, что Ленин — ее вождь, что Ленин зовет рабочих, солдат и крестьян взять власть в свои руки, чтобы покончить с войной. Мы были захвачены всем этим, нам стало ясно, что в России готово совершиться великое дело: социальная революция. Мы не боялись ошибиться: самым верным мерилом было для нас то, что против Ленина ополчились реакционеры всего мира, а на Керенского они же возлагали надежды.

Потом пришла Октябрьская революция. Ленин во главе партии большевиков совершил то, о чем я мечтал в годы юности. Октябрь повернул течение истории в новое русло в России, Франции, во всем мире. Перед нами Октябрьская революция словно широко распахнула окно в мир, открыла далекие горизонты, до тех пор затянутые туманом незрелых взглядов и теорий. Все стало ясно: Ленин и большевики не только вырвали огромную страну из пекла войны, но и впервые положили конец эксплуатации человека человеком на одной шестой земного шара!

Я понял тогда, что означает Ленин. Я стал пересматривать свои прежние анархо-синдикалистские, окрашенные наивным романтизмом воззрения на цели рабочего движения. Ленин словно вел меня за собой: я постепенно начал понимать роль государства, в частности пролетарского государства, в период революции. И это понимание крепло по мере того, как я внимательно следил за каждым шагом молодой Советской республики, за отчаянной борьбой, которую она должна была вести против иностранной вооруженной интервенции, против реакционных заговоров внутри страны.

Так вошел в мою жизнь Ленин — за несколько лет до того, как мне довелось увидеть его в его кремлевском кабинете в начале 1923 года. Он вошел в мою жизнь не с грудой теоретических трудов в руках, а в облике человека, озаренного пламенем величайшей из революций, человека, воплотившего в себе историческую неизбежность этой революции и ее необходимость для всего человечества. В моем сознании Ленин слился навсегда с Октябрьской революцией.

Свидание в Кремле помогло мне сделать решительный шаг в сторону коммунизма. Это свидание сбросило с моих плеч тот груз, который не позволял мне видеть единственный реальный путь пролетарского революционного движения. Беседа с Лениным раскрыла для меня в новом свете взаимоотношение коммунистических партий и рабочих масс и, что особенно меня занимало, роль профсоюзов в классовой борьбе.

Что же касается марксистской теории, то мне оставалось только учиться, учиться сначала. Мою слабость тогда по этой части я могу, пожалуй, проиллюстрировать тем, как я отнесся к поразившей меня в самое сердце вести о смерти Ленина. Я помню, это было чувство отчаяния; мне казалось, что смерть Ленина, этого гиганта революционной мысли,— непоправимый удар судьбы по всему делу Октябрьской революции. Я, конечно, знал, что существует ленинская партия, но еще не вполне понимал ее природу, неистощимость ее жизненной силы, ее способность перенести великую потерю и продолжать победоносно историческое дело, начатое Лениным.

Да, поколение, прошедшее большую школу ленинизма, быть может, подивится такой наивности моих тогдашних мыслей и чувств. Но так было. Это только говорит о том, что пути, ведущие к познанию сути коммунизма, многообразны и извилисты для человека, который в юности отправляется в одиночку на поиски такого общественного порядка, в котором нет социального неравенства, войны, материального и морального прозябания масс.

Эти мои строки, вероятно, не исчерпывают всего того, что мне хотелось бы сказать о том, как Ленин вошел в мою жизнь. Но думается, они дают представление о том светлом, нежном чувстве восхищения и благодарности, которое я испытываю к Ленину и буду испытывать до последнего дня моей жизни.

Образ Ильича

Опять мне сердце словно дарит зренье,
И день светлей становится вдвойне.
Ты вырасти, мое стихотворенье,
Как дерево в отцовской стороне.

Мне только б сокровенное оставить —
Иной судьбы ни капли не хочу...
Я знаю, это трудно мне — добавить
Хоть черточку к родному Ильичу.

Мне не нужна каких-то слов красивость,
Хочу лишь, чтоб понять меня могли
Те, на руках которых отразилась
Большая биография Земли.

С какой любовью Ленин пожимал их!
В беседе время зà полночь текло.
Он через них вбирал в частицах малых
Земли и солнца вечное тепло.

И в сонме дел обыденных и сложных
Так хорошо тепло в руке иметь!
Ведь мудростью лишь озарить возможно,
А душу прежде надо отогреть.

Он знал, что тронуть словом, что не трогать,
И потому, в сердца людей войдя,
Отцовская любовь его и строгость
Не спорили с величием вождя.

Василий КУЛЕМИН

Строй
во всю трудовую прыть,
для стройки
не жаль ломаний.

Очевидно, многим из тех, кто наблюдает за строительством транспортного пересечения на площади Маяковского, приходят на память эти слова поэта. Он сам, словно живой, возвышается на строительной площадке.

С большим интересом не только москвичи, но и приезжие следят за необычным даже для Москвы строительством, которое ведет коллектив пятого строительно-монтажного управления «Метростроя».

Предстоит вынуть 85 тысяч кубических метров грунта, уложить 6,5 тысячи кубометров сборного железобетона, сделать 15 тысяч квадратных метров дорожного покрытия для сооружения двухленточного пути.

Большие работы ведутся одновременно под домом, который стоит на площади Маяковского. Опытные проходчики «Метростроя» ведут там тоннель.

Надо подвести 79 шурфов, поставить дом на новый фундамент, который должен быть равен глубине тоннеля, и таким образом оставить дом подвешенным над тоннелем.

Это первое такое большое сооружение в Москве, глядя на которое вспоминаешь:

«и снова
земли атакуется масса»...

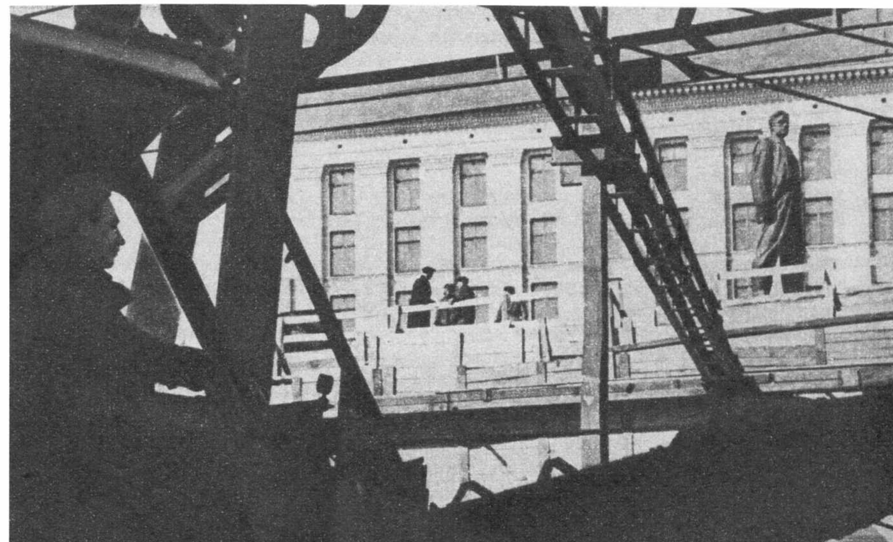
И среди гор строительных материалов, стрел, кранов, в вспышках электросварок и прожекторов стоит, как живой, как участник стройки, Маяковский, который как бы говорит:

Я с теми,
кто вышел
строить
и месть
в сплошной
лихорадке
буден,
Отечество
славлю,
которое есть,
но трижды —
которое будет.

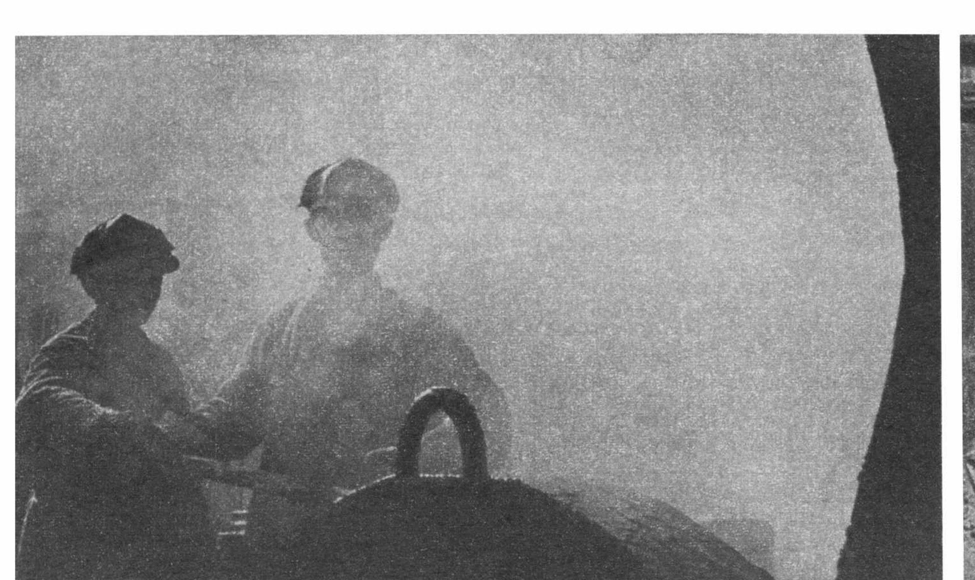
Фото А. НОВИКОВА.

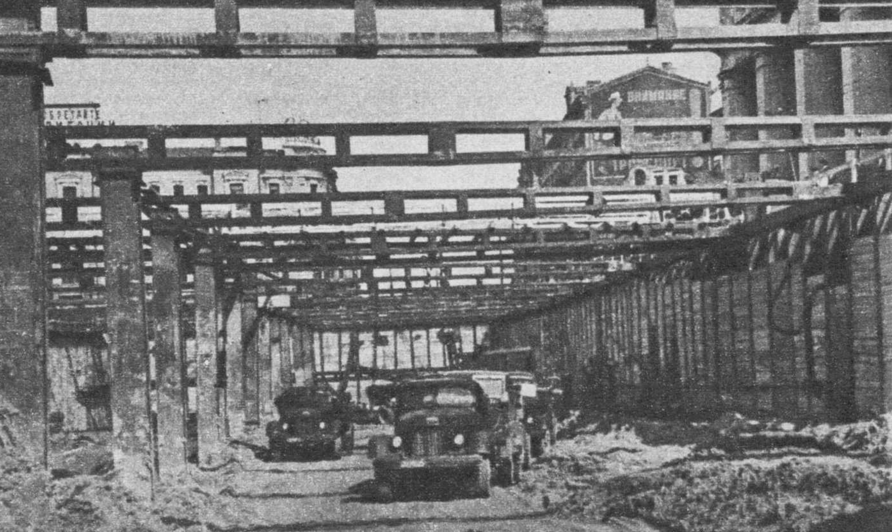

ЗЕМЛИ

АТАКУЕТСЯ МАССА

ОТПЕЧАТКИ НА ПЕСЧАНИКЕ

На снимке — на песчанике отпечатки неизвестного происхождения, пролежавшие в Гоби миллионы лет. Их нашла в пустыне советско-китайская палеонтологическая экспедиция, которой руководит доктор Чжоу Мин-чен. Ученым предстоит решить происхождение отпечатков.

А. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
начальник советской части советско-китайской палеонтологической экспедиции.

ТУР ПЕРВЫЙ

М. МЕРЖАНОВ,
специальный корреспондент «Огонька».

В нескольких южных городах почти одновременно на высоких шестах взвились флаги открытия сезона и раздались судейские свистки. Начался всесоюзный футбольный турнир.

Внимание спортивной общественности было привлечено к Еревану, где встречались чемпионы страны — московские динамовцы и местная команда «Спартак». Вокруг этого матча шло много толков, вызванных главным образом тем, что армянские футболисты совсем недавно в товарищеских состязаниях «нокаутировали» две московские команды — «Локомотив» и «Спартак» — и получили у своих почитателей кличку «непобедимых».

Можно себе представить, как накалились страсти. И несмотря на то, что дождь, словно спущенный с цепи, набросился на Ереван еще накануне и с угнетающим постоянством шел целые сутки, интерес к первому футбольному состязанию нисколько не ослаб. Он выразился в двух цифрах: 200 тысяч желающих на 20 тысяч мест.

Может быть, именно поэтому все старания милиции удержать наступающие ряды болельщиков были безуспешны, и этот своеобразный «матч» закончился в пользу зрителей.

По странной случайности дождь прекратился в тот момент, когда судья Э. Клавс дал свисток к началу борьбы. Можно было подумать, что тучи, сделав свое черное дело, присели на горную гряду вокруг стадиона, чтобы отдохнуть и посмотреть на увлекательное зрелище, которое разворачивалось на подмоченном ими поле. А зрелище было действительно увлекательным.

В начале состязания ереванские футболисты, словно под гипнозом, отступали от быстрых московских форвардов и непрерывно нарушали все законы позиционной игры, а затем им удалось создать перелом и перейти в наступление. Проигрывая один мяч, они настойчиво испытывали крепость динамовской обороны и, обломав об нее зубы, отстали, несолоно хлебавши. Коэффициент полезного действия ереванской команды был явно невелик. У нее нарушились связи во всех линиях.

Я не знаю, что было за кулисами команд в перерыве, но в игре хозяев поля во второй половине ничего не изменилось. Создавалось впечатление, что спартаковцев не запугали активные действия москвича В. Фадеева, который довольно легко обыгрывал защитника М. Семерджяна и создавал острые ситуации. Шансы могли быть уравновешены только с помощью оригинальных тактических шагов, но их не нашлось у ереванцев.

Имея техническое превосходство, чемпионы страны получили право на спокойную игру, на регулирование темпа и могли в любой момент гасить темперамент южан, который, впрочем, вспыхивал не часто. В тех же редких случаях, когда ереванские форварды пробовали обстреливать ворота из-за пределов штрафной площадки, мяч становился легкой добычей Л. Яшина.

Динамовцы Москвы выиграли со счетом 4 : 0. Несмотря на экспериментальный состав нападения (И. Численко — в центре, а Д. Шаповалов — рядом с ним), динамовцы показали вполне удовлетворительный для начала сезона футбол, в котором чувствовались и динамит для забивания голов, и игровое мышление, и оригинальные композиции, и опыт, и даже новаторство.

Хотя зрители-ереванцы в глубине души были разочарованы игрой своей команды, давно не проигрывавшей с таким крупным счетом, все же поражение принесет пользу хотя бы потому, что оно обнажило все недостатки тактического шаблона и технических погрешностей.

В этот же день состоялось много других матчей. Они показали, что вновь включенные в класс «А» клубы не только оказали серьезное сопротивление сильнейшим командам, но в иных случаях и обогнали их. Так, в первой подгруппе рижская «Даугава» победила «Молдову» (1 : 0), а во второй — вновь сформированная минская «Беларусь» с таким же счетом одержала верх над московским «Спартаком».

Хочется отметить успех ростовских футболистов. Они принимали у себя ленинградский «Зенит» и, не посчитавшись с правилами гостеприимства, на один гол ответили трижды.

Сейчас еще рано говорить о лидерах и аутсайдерах. Пока в турнирную таблицу можно записать первые огорчительные нули, утешительные единицы и радостные двойки.

Ереван.

АЛЫЕ КОСЫНКИ

Фото В. ТАРАСЕВИЧА.

урно и разноголосо живет механосборочный «Ростсельмаша»... Гудят моторы, скрежещет металл, позванивают электрокары. Над станками, стеллажами и столиками парит голубоватая дымка. Но что это алеет вон там, в левом крыле огромного корпуса?

Пунцовые розы? Им можно не удивляться: на многих заводах сейчас в цехах цветы.

Или же так пламенеют вымпелы — символ трудовых успехов?

Нет, то не цветы и не вымпелы. Алые косынки. Они везде: над шлифовальными кругами и над каретками станков. Алые косынки, схватывающие упрямые пряди и пышные кудри. Яркий цветник в шеренгах зеленовато-серых машин.

Тамара Пархоменко, Элла Бондарь, Светлана Мурзина, Рая Проходная и их подруги тоже носят алые косынки. Эти девушки из бригады коммунистического труда. А еще год назад, примерно в это же самое весеннее время, они могли только мечтать о высоком звании...

Год назад бригада Анатолия Бойченко была очень неровной и пестрой по своему составу. Рядом, например, с отличной работницей, депутатом горсовета Александрой Ивановной Федун с прохладцей трудился Володя Колесов, которому ничего не стоило прогулять или не выполнить сменное задание. Рядом с комсоргом Марией Новиковой шлифовала детали десятиклассница, которая всего лишь «отрабатывала стаж» для поступления в институт. И вот эта бригада в один из мартовских дней в полном своем сборе повела большой разговор...

— Чтобы решиться на такое дело — добиться звания коллектива коммунистического труда, — говорила Александра Ивановна, — нам надо всем подтянуться: кому повысить разряды, кому овладеть смежными профессиями и, конечно, всем учиться и учиться, да к тому же быть примером и во всем остальном: и в поведении и в быту. Чтобы каждый, глядя на нас, мог сказать: он лучший.

— А что, Володя, — обратилась к Колесову токарь Валентина Юниченко. — Представь себе, говорит тебе мастер: становись к шлифовальному станку. Ты, как ни в чем не бывало, идешь и начинаешь шлифовать. Потом тебе дают задание сверловщика заменить. И это умеешь, — здорово?

— Ну, уж ты выдумаешь, — смущенно проговорил Колесов. — Это же какую голову надо иметь...

— А такую, как у тебя, — поддержала Валю Александра Ивановна. — Вот я владею пятью специальностями — и тебя научу.

...В апреле стало известно, что бригада выполнила месячное задание на 127 процентов. Май принес еще лучший результат — 136.

В механосборочном стали приглядываться к бригаде, и многие увидели, что отличает ее от других. Вот обеденный перерыв; как только поели, девушки окружили поэта Виктора Абрамовича. Он читает Маяковского, а потом и свои собственные стихи. А вот о чем-то советуется с рабочими наладчик станков Алексей Лозовский. Речь идет о недорезах на деталях. Снимаются они на наждачном камне. Долго это делается. А нельзя ли что-нибудь придумать? И придумали. Приспособили полуавтомат. Производительность выросла в пять раз.

Подошло лето. У кого на уме только пляжи и парки, а у Нади Пуковской — и учебники.

— Поступлю в университет, заочно буду учиться, — решила она.

У Пуковской нашлись последователи. Вечерами учатся в институте Элла Бондарь и Рая Проходная. Пошли в вечернюю школу Светлана Мурзина и Тамара Пархоменко. Да и кто не учится? Все учатся. Не выдержала и самый пожилой член бригады, Александра Федун. Записалась в вечернюю школу. Даже Володя Колесов теперь в девятом классе. Мать не нарадуется.

А посмотреть на него в цехе! Он теперь не только токарь, но и фрезеровщик. Может работать и на протяжном станке. Еще в августе каждый член бригады владел смежными тремя, а кое-кто и пятью профессиями. Кривая выполнения планов уверенно поползла вверх. И в октябре бригаде присвоили звание коллектива коммунистического труда. Вот тогда-то и появились здесь алые косынки! Девушки придумали себе форму: синие сарафаны, серые блузки, алые косынки.

А совсем недавно — в марте — алые косынки появились и у соседей — в бригаде Степана Лынченко. Ей тоже присвоили почетное звание. И в этом немалая заслуга тех, кто первым пошел в разведку трудных дорог. Это они взяли шефство над отставшей бригадой С. Лынченко. И вот теперь вместе идут в гору.

Весело и дружно живут «алые косынки». Много у них и забот и хлопот. Взяли под свою опеку девятый класс — семерым ребятам уже присвоены разряды, и после школы они сразу могут стать к станкам. Задумали заложить свой сад. Всей бригадой вступили в народную дружину. Ну, а самое главное — надо и в учебе быть первыми. Учиться, учиться и учиться — так завещал Ленин!

Сотрудник газеты «Ростсельмашевец» А. ЛУГАНСКИЙ

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Н. И. ДРАЧИНСКИЙ, Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

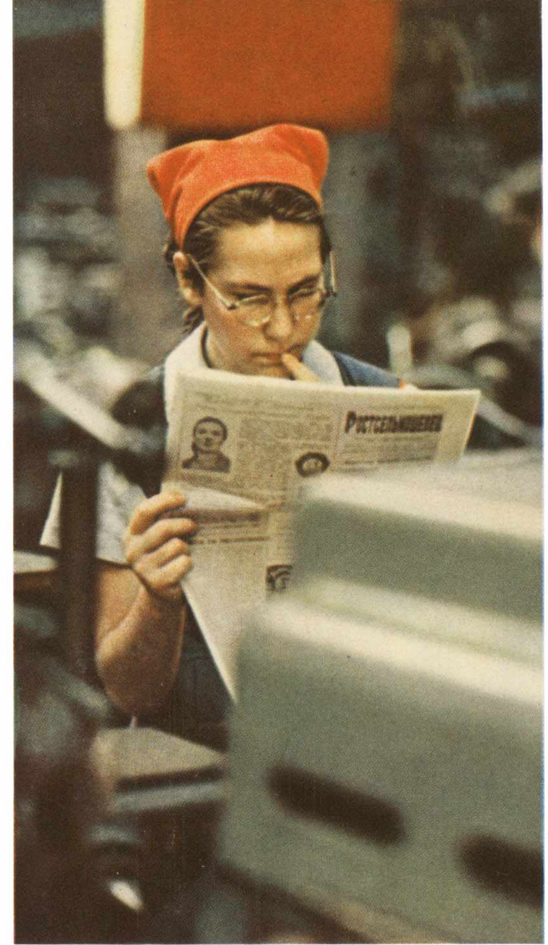
Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00888. Подписано к печати 13/IV 1960 г. Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 750 000. Изд. № 438. Заказ № 910.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

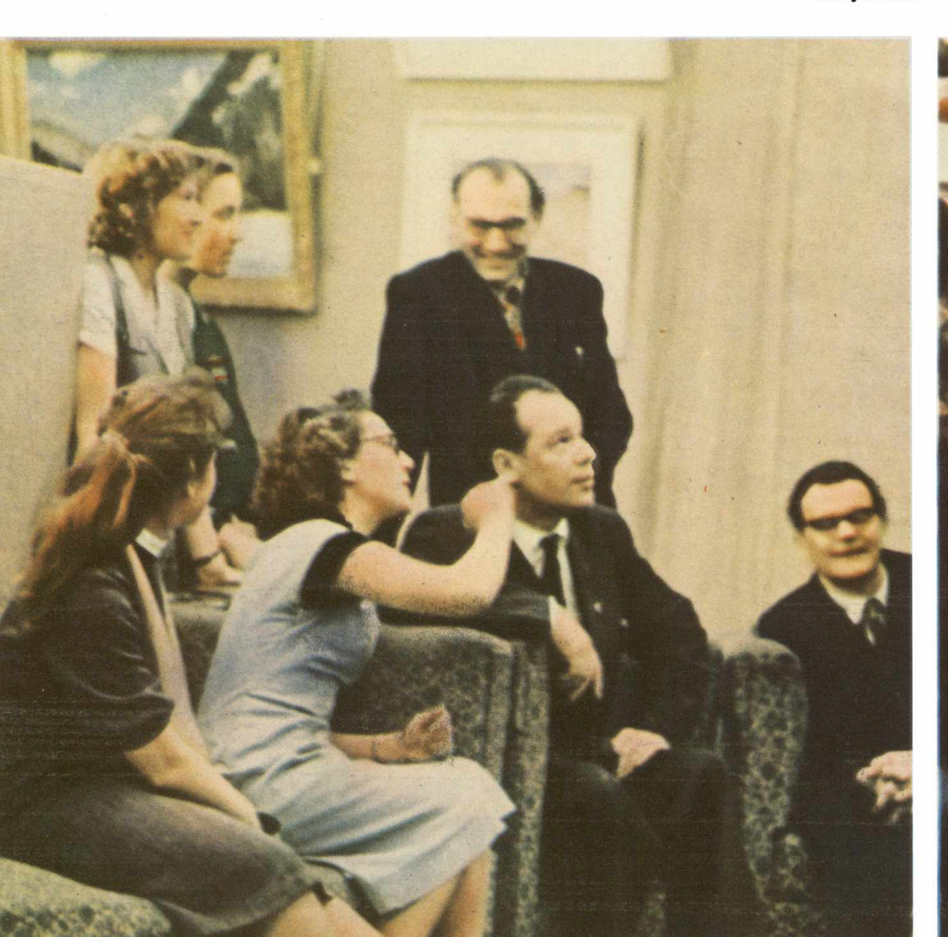
«Учимся сами, учим других» — это девиз бригады. Многие занимаются в средней школе. А Элла Бондарь — уже студентка; в заводской газете ее заинтересовала какая-то техническая новинка. Но есть среди «алых косынок» и учителя — в цехе на своем станке Света Мурзина обучает школьника Володю Циплакова, который через год придет на производство.

ШАГАЮЩИЕ В ЗАВТРА

Девчат, которые трудятся по-коммунистически, нельзя не уважать, нельзя не ценить! Видимо, таким обстоятельством и вызвано это необычное шествие в бригаду «алых косынок».

Валя Аверьянова — староста комнаты. И кому, как не ей, заботиться об уюте, порядке в общежитии.

Отдыхают друзья с «Ростсельмаша» по-разному. Одни провели вечер в цирке, другие — на выставке. У полотен ростовских художников Василия Филатова, Виталия Маркина и Ивана Соколова — работницы Валя Онуприенко, Элла Бондарь, Валя Стрельникова, Аня Грицаенко. Идет большой разговор об искусстве.

А этим хорошо было вдвоем...

Цена номера 3 руб.